

СЕРЫЕ ЦАПЛИ

НОВОБРАНЕЦ

КУШАВИН АНТОН

Антон Кушавин

Серые Цапли. Новобранец

<https://litres.ru/74621238>

SelfPub; 2026

Аннотация

На мельнице жизнь подчиняется понятным правилам: зерно нужно просушить, мешки — пересчитать, за работу — получить честную плату. Будущее кажется таким же ясным: родной дом, любимая девушка и дело, которому учил отец.

За пределами деревни действуют другие правила. Здесь чужая подпись может значить больше правды, приказ — больше человеческой жизни, а доверие приходится проверять поступками.

«Серые цапли. Новобранец» — история взросления в мире, где магия соседствует с тяжёлым повседневным трудом, а за мирной жизнью одних стоит война других. Здесь пахнет мукой, мокрой шерстью и порохом. Здесь спорят, шутят, пишут письма домой и учатся жить с последствиями своих решений.

Первая книга цикла о людях, которых сближают долгие дороги и общая опасность. О товариществе, цене послушания и доме, память о котором помогает идти дальше.

Содержание

Глава первая. Мельничный сын	4
Глава вторая. До праздника жатвы	21
Глава третья. Хозяйское дело	41
Глава четвёртая. Хорошая цена	65
Глава пятая. Двадцать лет	87
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Серые Цапли. Новобранец

Глава первая. Мельничный сын

Мельница просыпалась раньше деревни. Ещё до рассвета, когда над рекой стлался холодный туман, а противоположный берег угадывался лишь по тёмным верхушкам ольх, на нашем дворе уже скрипели ворота, переступали с ноги на ногу лошади и глухо постукивали друг о друга деревянные ободья тележных колёс. Крестьяне из соседних селений старались приезжать с вечера, чтобы с первыми лучами солнца оказаться у жерновов. Кто-то ночевал в сарае на охапке соломы, кто-то устраивался прямо под телегой, завернувшись в старый плащ, и потому совершенно тихо у нас не бывало даже по ночам. Над всем этим стоял ровный, знакомый с детства гул водяного колеса, которому не было дела ни до людских забот, ни до времени суток.

Я спал в небольшой комнате под самой крышей, куда летом набивался жар, а зимой через щели между досками пробирался ветер. Зато из окна были видны плотина, мельничный пруд и изгиб реки, уходившей за деревья. Обычно я просыпался сам, стоило работникам начать открывать затворы, но в то утро меня разбудил отец. Вернее, его голос, доносившийся со двора.

— Матти! Ты там до обеда валяться собираешься? —

крикнул он так, словно стоял у самой моей кровати.

Я открыл глаза и разглядывал низкие потолочные балки, пытаюсь сообразить, сколько сейчас времени. За окном было ещё серо, а значит, до настоящего утра оставалось немало. Хотелось натянуть одеяло на голову и поспать хотя бы немного, но я слишком хорошо знал, что отец через несколько минут поднимется наверх сам, если не услышит ответа.

— Встаю! — отозвался я, свесив ноги с кровати.

— Слышал я это вчера, — донеслось снизу. — И позавчера тоже.

Я нашёл штаны, брошенные вечером на спинку стула, и натянул рубаху, которую мать велела отдать в стирку. За ночь она, разумеется, чище не стала, но и ничего страшного с ней не произошло. Я расправил ворот, провёл ладонью по волосам, стараясь пригладить непослушные светлые пряди, и спустился на кухню.

Мать стояла возле большого стола и нарезала свежий хлеб. Рядом с ней на лавке сидела Мина, закутанная в одеяло почти до самого носа. Ей было пять лет, и по утрам она смотрела на окружающих с таким мрачным недоумением, словно все мы совершили непростительную ошибку, решив встать с постелей. В очаге потрескивали дрова, над ними висел котелок с кашей, а по комнате разливался тёплый запах молока и печёного теста.

— Умойся сперва, — сказала мать, мельком взглянув на меня.

— Я вчера мылся, — возразил я, усаживаясь на свободный край лавки.

— Вот вчера и завтракал бы, — ответила она, не прекращая резать хлеб.

Я открыл рот, собираясь объяснить, что это совершенно разные вещи, но мать наконец повернулась ко мне. Она посмотрела так, что спорить расхотелось. Пришлось подняться, выйти во двор и подойти к колодцу, где в деревянном ведре ещё оставалась вода, набранная с вечера. За ночь она успела остыть так, что после первого же плеска у меня перехватило дыхание. Зато сон исчез окончательно.

Когда я вернулся, на столе уже стояла миска каши и лежал толстый ломоть хлеба. Мать поставила рядом кружку молока, а сама вернулась к очагу, где собиралась разогреть завтрак для остальных.

— Отец с самого рассвета на мельнице, — сообщила она. — У него опять какой-то спор с приезжими. Так что поешь как следует, работы сегодня будет много.

— Из-за чего спорят? — спросил я, обжигаясь горячей кашей.

— Из-за муки, наверное. А из-за чего ещё люди спорят на мельнице? — Мать улыбнулась, заметив, как я торопливо дую на ложку. — Не спеши. Генрих подождёт, пока его сын прожует завтрак.

Я хотел сказать, что отец придерживается другого мнения, но решил не тратить время. Доев кашу, я допил молоко,

прихватил хлеб и отправился во двор, где с каждой минутой становилось всё шумнее.

Возле мельницы уже стояли три телеги. На первой лежали мешки с рожью, прикрытые грубым полотном от ночной сырости; на второй привезли пшеницу, причём по туго набитым мешкам и чистым завязкам я сразу понял, что хозяин относился к зерну бережно. Третья телега была почти пустой, а возле неё двое мужчин разговаривали так громко, что их голоса пробивались даже сквозь шум воды и скрип механизмов. Отец стоял между ними, заложив большие пальцы за широкий кожаный пояс, и терпеливо слушал, хотя по напряжённым скулам было видно, что терпение его постепенно заканчивается.

Генрих Бреннер был высоким и широкоплечим человеком, с сильными руками, потемневшими от солнца и постоянной работы. Ему ещё не исполнилось сорока, но на висках уже появилась седина, особенно заметная в тёмных волосах. Когда отец внимательно слушал собеседника, то слегка наклонял голову, будто собирался рассмотреть не только его лицо, но и самую суть сказанного. Люди в деревне уважали его за честную работу, хотя некоторые считали чересчур упрямым. Мне же казалось, что упрямство — необходимое качество для человека, которому приходится каждый день иметь дело с чужим зерном и чужими деньгами.

Увидев меня, отец махнул рукой в сторону раскрытой книги учёта, лежавшей на невысоком столике у двери.

— Иди сюда, Матиас. Посмотрим, что ты вчера записал.

Я подошёл, вытер ладони о штаны и наклонился над страницами. Книга была тяжёлая, с плотной кожаной обложкой, потёртой по углам. Отец хранил её в сухом помещении и не позволял никому брать без надобности, но мне доверял делать записи уже второй год.

— Сколько мы взяли с него за помол? — спросил отец, кивнув на крестьянина в коричневом кафтане.

Я нашёл нужную строку, провёл пальцем вдоль неровных букв и ответил:

— Шесть мер ржи. Привёз две недели назад, в среду. Плата — десятая доля помола, как обычно.

— А сколько муки отдали?

— Четыре меры и ещё половину. Отруби отдельно, два мешка.

Крестьянин немедленно шагнул ближе, словно только этого и ждал.

— Вот! Я ему с самого утра говорю, что не может быть такого! Шесть мер хорошего зерна привёз, а получил четыре с половиной. У соседа моего из пяти мер почти столько же вышло, и он ничего особенного с зерном не делал.

Я поднял глаза от книги. Расчёты я проверил ещё вчера. Ошибки не было.

— Значит, у соседа зерно лучше было, — сказал я, стараясь говорить уверенно.

— Это у меня, выходит, плохое? — Крестьянин нахму-

рился, поправляя съехавшую на плечо суму.

— Я такого не говорил. Но если из меньшего количества получилось столько же муки, значит, там и потерь было меньше.

— Да ты, парень, сначала научись со старшими разговаривать! — вспыхнул он. — Я твоему отцу зерно возил, когда ты ещё под стол пешком ходил.

Щёки у меня загорелись. Я ведь только назвал цифры.

— От этого зерно лучше не становится, — ответил я прежде, чем успел подумать.

Отец положил ладонь мне на плечо. Он не сжал его и не толкнул, но тяжести этой ладони оказалось достаточно, чтобы я немедленно замолчал.

— Подожди немного, — произнёс он негромко, затем повернулся к крестьянину. — Давай разберёмся спокойно. Зерно у тебя было влажноватое. Помнишь, я говорил, что его надо просушить перед помолом?

Тот помедлил, потом нехотя кивнул.

— Помню. Только времени не было.

— А ещё ты сам просил отсеять сор, потому что в мешках попалась земля. Мы отсеяли, отруби сложили отдельно, всё тебе отдали. Хочешь, сейчас принесу меру и покажу, сколько получилось отходов. Мне скрывать нечего.

Крестьянин оглянулся на пустую телегу, потёр ладонью затылок и заметно успокоился.

— Так я ж не говорю, что ты меня обманул, мастер Ген-

рих. Я понять хочу, куда зерно делось.

— И правильно делаешь, — согласился отец. — Зерно и деньги счёт любят. Только считать надо всё, а не одну муку.

Они разобрали помол по порядку: вспомнили, сколько зерна было испорчено сыростью и почему часть его пришлось очистить тщательнее обычного. В конце концов крестьянин признал, что расчёты сходятся, пожал отцу руку и отправился запрягать лошадь. Я следил за ним с недовольством, потому что ничего нового он не услышал: отец объяснил ему ровно то же самое, что и я.

Когда телега выехала со двора, отец закрыл книгу и повернулся ко мне.

— Ну, что скажешь, Матти?

— Я всё правильно посчитал, — ответил я, не понимая, к чему он клонит.

— Правильно. А почему человек ушёл от тебя злой, а от меня — довольный?

Я пожал плечами. После утреннего спора мне меньше всего хотелось снова обсуждать того крестьянина.

— Потому что не хотел слушать.

Отец покачал головой, и по тому, как он медленно убрал книгу под навес, я приготовился выслушать очередное наставление.

— Потому что ты решил показать ему, какой ты умный. А он приехал не за этим. Он приехал узнать, куда делось его зерно.

— Но я ведь объяснил.

— Ты ему ответил, — поправил отец. — Это не всегда одно и то же. Мало быть правым. Надо ещё, чтобы с тобой хотели иметь дело.

Отец говорил спокойно, как говорил бы о жерновах или взвешивании мешков. Оттого его слова задели ещё сильнее. Я хотел возразить, но он уже указал на мельницу, где работники принялись разгружать следующую телегу.

До полудня я успел перетаскать столько мешков, что к обеду плечи ныли, а ладони горели, несмотря на привычные мозоли. Внутри мельницы стоял непрерывный гул. Водяное колесо медленно вращалось под напором реки, передавая движение через тяжёлый деревянный вал; зубья больших шестерён входили друг в друга с размеренным стуком, под ногами едва заметно дрожали половицы, а в воздухе висела тонкая мучная пыль. Она оседала на волосах, ресницах, одежде, забивалась в складки кожи и к вечеру превращала даже самые тёмные головы в седые.

Мне нравилось работать здесь. Я любил запах свежей муки, сухого дерева и речной сырости, знал, какая шестерня начинает постукивать перед поломкой, как меняется звук жерновов, когда между ними попадает мелкий камень, и почему нельзя оставлять механизм под полной нагрузкой при резком подъёме воды. Отец начал учить меня мельничному делу ещё до того, как я научился самостоятельно поднимать полный мешок, и теперь многие вещи я делал почти не за-

думываясь.

Больше всего мне нравилось, когда он поручал работу, которую не требовалось потом переделывать за мной. В тот день отец велел проверить партию пшеничной муки, приготовленную для продажи в городе. Я пересчитал мешки, сверил записи, осмотрел завязки и пломбы, затем ещё раз прошёл вдоль ряда, чтобы убедиться, что ничего не пропустил. Когда отец пришёл принимать работу, я доложил ему обо всём и даже показал, какие два мешка, по моему мнению, стоило поставить ближе к двери, чтобы удобнее было грузить.

Он проверил несколько записей, ощупал завязку на крайнем мешке и коротко кивнул.

— Хорошо, Матиас. Завтра ещё раз посмотришь, когда начнём готовить телегу.

Всего одно слово похвалы, но после утреннего разговора мне стало заметно легче. Я проводил отца взглядом и вернулся к мешкам, пряча довольную улыбку от работников.

Перед тем как уйти, отец достал из запертого ящика медную коробочку с мутным стеклянным глазком. Такую вещь он купил у проезжего мастера ещё прошлой осенью и берег больше, чем хорошие весы. На крышке были выбиты незнакомые знаки; когда отец прижал коробочку к мешку, под стеклом проступила тонкая голубая черта.

— Опять сыровато, — сказал он и протянул прибор мне. — Смотри. Если черта поднимется выше насечки, эту муку

в город не повезём.

Я приложил коробочку к другому мешку. Черта дрогнула и остановилась ниже отметки. Никакого огня, никаких громких слов — только слабый свет под стеклом. Отец называл прибор работой республиканских мастеров. Я не знал, что заставляло его действовать, и потому старался держать ровно: стоил он столько, сколько мы за несколько месяцев травили на железо для мельницы.

— А если он однажды перестанет светиться? — спросил я.

— Тогда вернёмся к старому способу: разотрём зерно в ладонях и понюхаем, — ответил отец. — Умная вещь помогает мельнику, но думать за него не станет.

Он убрал коробочку обратно под замок. Я пошёл к реке, всё ещё думая о медной коробочке. В Липовицах чудеса редко выглядели чудесами: чаще их прятали от сырости и чужих рук.

К вечеру мы закончили основную работу. Я вышел к реке, присел на большой камень у берега и вытянул уставшие ноги. Под плотиной вода бурлила и пенилась, разбиваясь о мокрые сваи, а ниже по течению становилась спокойной, тёмной и гладкой. На другом берегу паслись коровы, за ольшаником перекликались птицы, и оттуда тянуло прохладой. Я смотрел на мельницу и представлял, как однажды сам буду решать, когда отправлять муку в город, кого нанимать на работу и сколько брать за помол. Отец, конечно, ещё долго станет давать советы, а я, наверное, буду с ним спорить, но хозяином

в конце концов стану я. И когда-нибудь он увидит, что доверять мне можно не только проверку мешков.

Стоило представить всё это, и даже плечи будто перестали ныть.

Домой меня позвала мать, и по её голосу я сразу понял, что ужин уже на столе, а опаздывать не стоит.

За семейным столом тихо не бывало почти никогда. Грета, которой недавно исполнилось тринадцать, помогала матери расставлять миски, Лотта и Эмма никак не могли поделить деревянную ложку, хотя одинаковых ложек в доме хватало, а Мина забралась на лавку рядом со мной и принялась с завидным упорством тянуться к моему хлебу. Я отодвинул лопотку подальше, но она придвинулась следом, так что вскоре мне пришлось выбирать между тем, чтобы отдать ей хлеб, и тем, чтобы весь ужин защищать его от маленьких цепких пальцев.

— Это мой, Мина, — предупредил я, когда её рука в очередной раз потянулась через стол.

Сестра посмотрела на меня снизу вверх, немного подумала и с полной серьёзностью произнесла:

— Жадина.

— А ты чужой хлеб не хватай, — ответил я.

— Матиас, не дразни сестру, — заметила мать, ставя перед отцом миску с похлёбкой.

— Она первая начала.

— Ты старше, — напомнила мать таким тоном, будто этим

объяснялось всё на свете.

Спорить было бесполезно. Я отломил кусок хлеба и протянул Мине, после чего она немедленно улыбнулась и занялась им с таким довольным видом, словно одержала важную победу.

Отец тем временем рассказывал матери о работе. Они обсуждали предстоящую продажу муки, цену, которую обещал городской купец Йост Альбрехт, и необходимость заменить часть упряжи перед осенними поездками. Я прислушивался к разговору, потому что надеялся сопровождать отца в Келльбрук и хотел заранее понять, когда именно он собирается отправляться.

— Если Альбрехт не изменит цену, на следующей неделе можно будет отвезти всю пшеничную партию, — сказал отец, разламывая хлеб над миской. — Выручки хватит и на ремонт, и на новую упряжь.

Мать перестала раскладывать еду и посмотрела на него с лёгким сомнением.

— На новую упряжь пока не хватит, Генрих. Мы ещё кузнецу должны за железо, а шорнику — за прошлую работу. К тому же за часть помола нам расплатились зерном, а не монетой. Зерно, конечно, пригодится, но кузнец его брать не обещал.

Она достала из небольшого ящика дощечку, на которой углём были записаны расходы, и положила её перед отцом. Тот внимательно изучил несколько строк, нахмурился и по-

просил назвать сумму, которую мы должны были получить от одного из соседних хозяйств. Мать ответила сразу, не заглядывая в записи, а потом напомнила, что эти деньги обещали лишь к середине осени.

Мне всегда казалось удивительным, сколько всего она держала в голове. Отец лучше всех разбирался в механизмах, торговле зерном и работе мельницы, но мать помнила каждую покупку, каждый долг, каждую отложенную монету. Она знала, сколько муки потребуется семье до следующего урожая, когда придётся закупать соль и сколько денег уйдёт на зимнюю одежду для сестёр. И хотя отец обычно принимал окончательные решения по хозяйству, без её расчётов он редко обходился.

— Значит, новую упряжь пока не берём, — признал он наконец. — Старую ещё можно починить.

— Если заняться ею до того, как она порвётся посреди дороги, — заметила мать, убирая дощечку.

Отец усмехнулся и пообещал на следующий день поговорить с шорником. Я тоже едва заметно улыбнулся, но благо-разумно промолчал: он не любил, когда дети вмешивались в разговор о семейных деньгах, особенно если вмешательство сводилось к тому, чтобы подтвердить правоту матери.

Когда разговор перешёл на дневные дела, я рассказал матери об утреннем споре с крестьянином: как быстро нашёл нужную запись, как объяснил расчёт. Правда, в моём пересказе выходило, что я почти самостоятельно уладил дело, а

отец подошёл лишь под конец.

— Разобрался, значит? — переспросил отец, поднимая глаза от миски.

— Ну да. Я ему всё объяснил, и он понял.

— После того как я с ним поговорил, — спокойно уточнил отец.

Грета тихонько хихикнула, а Лотта тут же спросила, не собираюсь ли я теперь сам стать хозяином мельницы. Эмма подхватила шутку, и вскоре обе принялись обсуждать, какие приказы я буду отдавать работникам, когда отец наконец передаст мне хозяйство. Мне стало жарко от смущения. Отец, впрочем, не стал продолжать разговор. Он лишь повторил, что считать я умею хорошо, а вот разговаривать с покупателями мне ещё предстоит научиться.

Я уткнулся в миску и до конца ужина говорил мало. Мне было досадно, что отец не мог просто похвалить меня при всех, не добавляя замечаний. Ведь работу я действительно выполнил правильно, а спор начался вовсе не по моей вине.

После ужина мать попросила помочь убрать со стола. Грета увела младших сестёр, отец вышел проверить двор, и вскоре мы остались на кухне вдвоём. Я относил миски к большому деревянному тазу, а мать складывала остатки хлеба и накрывала их чистым полотном.

— Ты зря на отца сердишься, — сказала она, когда я в очередной раз слишком громко поставил миску.

— Я не сержусь, — ответил я, хотя прекрасно понимал,

что она мне не поверит.

— Конечно, — согласилась мать с едва заметной улыбкой.
— Просто посуду сегодня особенно жалко.

Я смутился и поставил следующую миску осторожнее. Мать закончила накрывать на стол и заметила, что отец не поручил бы мне проверку городской партии, если бы не доверял моим способностям. Я возразил, что проверять мешки — ещё не вести торговлю. Мать лишь улыбнулась: кажется, другого ответа она и не ждала.

— Пока не настоящее, — сказала она. — Но ведь и мельницу тебе завтра никто не отдаёт. Ты хорошо считаешь, умеешь работать с механизмами и не боишься тяжёлого труда. Остальному научишься. Только люди — не мешки с зерном. Их нельзя просто поставить на весы и объявить, кто прав.

Мне показалось, что она нарочно повторяет отцовские мысли, только другими словами, и я хотел было снова возразить. Но мать подошла ближе, поправила мне ворот рубашки и провела ладонью по волосам. Я привычно отстранился, чувствуя себя уже слишком взрослым для подобных ласк.

— Мам, ну я же не маленький, — пробормотал я.

— Разумеется, не маленький, Матти, — ответила она. — Только рубаху в стирку всё равно не отнёс.

Я рассмеялся, она улыбнулась в ответ, и вечерняя досада понемногу отступила.

Перед сном Мина попросила рассказать ей сказку. Я устал и собирался подняться к себе, но она устроилась на кривой

ти, подтянула одеяло к подбородку и посмотрела на меня так выжидающе, что отказать оказалось трудно. Пришлось сесть рядом и вспомнить старую историю про мельника, сумевшего перехитрить речного духа. Отец рассказывал её нам в детстве, а я каждый раз добавлял новые подробности: то дух оказывался ростом с дуб, то умел превращаться в огромную щуку, то требовал за свою работу целый мешок серебра.

Мина слушала, широко раскрыв глаза, и время от времени перебивала меня вопросами. Когда история закончилась, она притихла, разглядывая тёмные балки под потолком, а потом повернулась ко мне.

— Матти, а ты тоже будешь мельником, когда вырастешь?

— Конечно, — ответил я, поправляя ей одеяло. — Кем же ещё?

— Как папа?

— Ещё лучше, — сказал я с такой уверенностью, что сам невольно улыбнулся.

Она серьёзно обдумала услышанное, после чего спросила, сможет ли жить здесь, когда я стану хозяином. Я заверил её, что сможет, если захочет. Затем последовали вопросы про мать, отца, Грету, Лотту и Эмму, и на каждый я отвечал утвердительно, пока она наконец не успокоилась и не закрыла глаза.

Я ещё немного посидел рядом, слушая её ровное дыхание. Издалека доносился шум мельничного колеса, во дворе переговаривались работники, а за окном шуршал ветер в вет-

вах старой яблони. Дом был полон знакомых звуков, и мне нравилось думать, что однажды я буду отвечать за всё это сам. Работа предстояла большая, отец ещё многому должен был меня научить, но впереди хватало времени и на мельницу, и на собственную семью, и на всё остальное, что я успел себе придумать.

Убедившись, что Мина крепко спит, я осторожно поднялся и вышел, прикрыв за собой дверь.

Глава вторая. До праздника жатвы

На следующее утро отец отправил меня к кузнецу. У одной из наших телег треснула железная скоба, удерживавшая ось, и хотя сама поломка казалась пустяковой, откладывать починку было нельзя. До осенних дождей нам предстояло перевезти немало муки и зерна, а застрять с гружёной телегой посреди дороги из-за такой мелочи было бы непростительной глупостью. Отец завернул скобу в кусок старой мешковины, передал мне и велел договориться, чтобы работу закончили не позднее конца недели.

— И смотри, лишнего не обещаай, — добавил он, когда я уже собирался уходить. — Мы с ним о цене давно договорились. Если скажет, что железо подорожало, пусть сначала со мной поговорит.

Я заверил отца, что прекрасно помню обычную плату за подобную работу, сунул свёрток под мышку и отправился в деревню. Утро выдалось ясным, но ночная прохлада ещё держалась в тени домов и под густыми кронами деревьев. Солнце только начинало прогревать крыши, с огородов тянуло влажной землёй, а из открытых окон доносились голоса хозяек, занятых приготовлением завтрака. Возле одного двора старик чинил плетень, у другого женщина развешивала выстиранное бельё, и несколько мальчишек с длинными хворостинами безуспешно пытались согнать стаю гусей с до-

роги. Гуси сердито шипели, хлопали крыльями и, по-видимому, совершенно не собирались подчиняться.

Наши Липовицы были достаточно большими, чтобы приезжие из окрестных селений находили здесь всё необходимое, но достаточно маленькими, чтобы почти каждый знал, кто кому приходится родственником, у кого родилась дочь и чей сын на прошлой неделе подрался возле постоянного двора. У нас имелись кузница, плотницкая мастерская, церковь с высокой колокольней и несколько зажиточных хозяйств, чьи дворы почти не уступали нашему мельничному. Дома стояли вдоль широкой дороги, расходившейся у площади на несколько улиц. У многих нижние стены были сложены из камня, а верхние этажи держались на тёмных деревянных балках, между которыми белела штукатурка. По весне хозяева подновляли её, поэтому в солнечную погоду деревня выглядела особенно нарядной.

Больше всего я любил площадь. Посреди неё возвышался высокий деревянный шест, украшенный у вершины резной конской головой. Кто и когда придумал устанавливать здесь подобное сооружение, я не знал. Старики говорили, что шест стоял ещё при их дедах, хотя за прошедшие годы его несколько раз заменяли, а конскую голову приходилось чинить после особенно суровых зим. Каждый год перед праздником жатвы мужчины очищали дерево от старых украшений, закрепляли свежие верёвки, а женщины приносили ленты и венки из колосьев. В праздничный день возле

шеста танцевали, устраивали состязания и торговали всякими мелочами, без которых, по мнению моей матери, вполне можно было обойтись, но которые мы всё равно неизменно покупали.

Подготовка уже шла полным ходом. Двое мужчин возились с верёвками у основания шеста, несколько женщин расправляли длинные полосы ткани, а дети бегали вокруг и мешали всем подряд. Один мальчишка, на вид лет десяти, обхватил шест руками и ногами и с отчаянным упорством пытался взобраться наверх. Он успел подняться не больше чем на человеческий рост, когда кто-то из взрослых заметил его и потребовал немедленно слезть.

— Да пусть лезет, — раздался у меня за спиной знакомый голос. — Если до головы доберётся, ему должны приз дать.

Я обернулся и увидел Конрада Вебера. Он стоял возле ограды, прислонившись плечом к столбу, и с большим удовольствием наблюдал за тем, как взрослые пытаются снять мальчишку с шеста. Конни, как его звали почти все наши ровесники, был немного ниже меня, зато шире в плечах, с тёмными волосами, которые вечно торчали в разные стороны, и карими глазами, почти всегда выдававшими очередную затею раньше, чем он успевал открыть рот.

— Какой ещё приз? — спросил я, подходя ближе.

— Коня, конечно, — ответил Конни с самым серьёзным видом и указал на деревянную голову. — Начнёт с головы, а остальное мой отец ему потом вырежет. За отдельную плату.

Я представил лицо мастера Отто, услышь он о таком заказе, и рассмеялся. Отец Конни работал не покладая рук, но терпеть не мог шуток, особенно если из-за них сын забывал о деле. Впрочем, Конни редко позволял отцовскому ворчанию испортить себе настроение.

— Твой отец тебя за такие разговоры приберёт, — заметил я, когда мы двинулись в сторону кузницы.

— Сначала поймает, — беспечно ответил Конни. — А ты куда собрался с утра пораньше? Опять что-нибудь на мельнице сломали?

Я показал ему свёрток со скобой и объяснил, в чём дело. Конни немедленно принялся рассуждать, что у такого богатого мельника, как мой отец, телеги должны быть сделаны из самого крепкого дерева и обиты лучшим железом, а потому ломаться им совершенно непозволительно. Я ответил, что у нас хотя бы крыша не течёт над рабочим столом, как в их мастерской после последнего ливня. Он притворно обиделся, потом признал, что крыша действительно течёт, но зато теперь его отец совершенно точно знает, куда нужно поставить ведро.

Кузнец работал возле распахнутых дверей. Из горна тянуло жаром, воздух пах углём и раскалённым железом, а каждый удар молота отзывался тяжёлым звоном, от которого хотелось отойти подальше. Я дождался, пока мастер закончит выравнивать длинную железную полосу, и передал ему скобу вместе с отцовским поручением. Кузнец осмотрел трещину,

повертел деталь в руках и сказал, что работа несложная, но раньше завтрашнего полудня он за неё не возьмётся.

— Передай Генриху, что послезавтра можно забирать, — добавил он, откладывая скобу. — И скажи, чтобы не присылал каждые полчаса проверять, готово ли. Я и без того помню, что ему всё нужно вчера.

— Передам, — пообещал я. — Только он просил до конца недели, а не вчера.

Кузнец усмехнулся, вытер пот со лба и покачал головой.

— Язык у тебя отцовский, Матиас. Смотри, чтобы и руки такими же стали.

Мы поблагодарили его и вышли обратно на улицу. У кузницы Конни задержался, рассматривая старую подкову, лежавшую возле стены, а потом неожиданно спросил, собираюсь ли я вечером к мосту.

— А что там будет? — поинтересовался я, хотя прекрасно знал, зачем молодёжь собирается возле моста после работы.

— Девушки придут. Может, ещё кто-нибудь из соседних дворов. Погода хорошая, чего дома сидеть?

— Какие девушки?

Конни даже остановился и уставился на меня.

— Наши, разумеется. Или ты хочешь, чтобы я тебе городских привёз? Хотя Анна тоже обещала прийти, если успеет закончить работу.

Я постарался сохранить равнодушное выражение лица, но Конни слишком хорошо меня знал. Он немедленно за-

улыбался и принялся поддразнивать, что теперь я наверняка прибегу раньше всех и стану ждать возле перил, изображая случайного прохожего. Я толкнул его плечом и велел помолчать, после чего он рассмеялся ещё громче.

Возле церковной ограды мы прошли мимо двух мужчин, оживлённо обсуждавших последние городские новости. Один рассказывал, что в Келльбрук прибыло много солдат, причём не только обычный гарнизон, но и какие-то армейские люди, занятые закупками и набором новобранцев. Второй слушал с явным недовольством и спрашивал, кого они собираются набирать после всех недавних войн.

— Теперь вроде не забирают, — возразил первый. — Кто хочет, тот сам записывается.

— Ага, — хмыкнул его собеседник. — Пока не узнает, сколько служить придётся.

Мы миновали ограду, но Конни обернулся, продолжая прислушиваться к разговору.

— Представляешь, двадцать лет в армии? — сказал он задумчиво. — За это время можно половину света обойти.

— А можно двадцать лет сапоги чистить и навоз за лошадьми убирать, — ответил я. — Смотря куда попадёшь.

— Зато города увидишь. Может, даже в других королевствах побываешь.

Я не понимал, зачем ему это нужно. Провести лучшие годы вдали от дома, выполняя чужие приказы? У меня были мельница, хозяйство, семья и Анна Крамер, на которой я на-

меревался жениться. Ради каких-то чужих городов бросать всё это я не собирался.

— Мир можно и без армии посмотреть, — заметил я. — Были бы деньги.

— А где их взять? — спросил Конни, разведя руками. — Тебе хорошо говорить. Мельница однажды достанется тебе, а у моего отца мастерская небольшая. Ещё неизвестно, что мне там останется.

Я уже хотел возразить, что хороший плотник без работы не останется, но вспомнил, как часто мастер Отто жаловался на заказчиков, задерживавших плату. Поэтому предложил другое: когда вырастем, пристроить к мельнице новый склад, а всю плотницкую работу поручить Конни. Он немедленно объявил, что возьмёт втридорога: с друзьями, мол, хлопот больше всего.

Так, споря о вещах, до которых оставалось ещё много лет, мы дошли до развилки. Конни отправился помогать отцу, а я повернул к дому, чтобы успеть закончить свои дела до встречи с Анной.

После полудня я нашёл Анну возле тропинки, которая огибала край полей и спускалась к реке. Она стояла в тени старой ивы, придерживая одной рукой подол светлого платья, чтобы не испачкать его о влажную траву. Каштановые волосы были собраны сзади, но несколько прядей выбились и лежали возле лица. Когда я подошёл, она подняла голову и улыбнулась, хотя по тому, как быстро исчезла улыбка, я по-

нял, что без замечания дело не обойдётся.

— Ты опоздал, Матти, — сказала она, чуть приподняв брови.

— Не мог раньше, отец работу поручил, — объяснил я, стараясь не выглядеть слишком виноватым. — Я ведь не нарочно.

— Знаю. Только я уже давно здесь стою, а ты даже не подумал, что можно было предупредить.

Я посмотрел на дорогу, по которой пришёл, и невольно задумался, каким образом должен был предупредить её, если сам не знал, когда освобожусь. Но спорить не стал: она действительно могла ждать довольно долго, а мне совсем не хотелось начинать нашу прогулку с ссоры. Я извинился, предложил пойти вдоль берега, и через несколько минут Анна уже рассказывала о предстоящем празднике жатвы, совершенно забыв о моём опоздании.

Мы шли по узкой тропинке между рекой и полями. За последние недели рожь почти всюду успели убрать, и теперь на месте высоких колосьев торчала короткая жёлтая стерня. Воздух пах сухой травой, нагретой землёй и водой. Изредка нам встречались крестьяне, возвращавшиеся с работы, и тогда мы немного отдалялись друг от друга, хотя все в деревне и без того знали, что мы часто гуляем вместе.

Анна рассказывала, что её мать собирается перешить к празднику одно из старых платьев, а отец обещал отпустить её с работы пораньше. Потом спросила, буду ли я танцевать

или опять простою половиною вечера возле стола с угощением. Я заверил, что непременно стану лучшим танцором на площади, хотя оба мы прекрасно знали, что танцевал я неважно и гораздо охотнее участвовал в состязаниях.

Разговор незаметно перешёл к будущему. Мы уже не раз обсуждали свадьбу, хотя официальной помолвки между нашими семьями пока не было. Петер Крамер, отец Анны, считал, что мне следует сначала научиться самостоятельно вести хозяйство, а мой говорил примерно то же самое, только другими словами. Меня это раздражало, потому что в пятнадцать лет несколько лет ожидания казались ужасно долгим сроком.

— Мама говорит, что тебе ещё рано жениться, — сообщила Анна, когда мы остановились возле старого бревна, лежавшего у воды.

— Почему это? — спросил я, помогая ей перебраться через корни ивы.

— Потому что тебе пятнадцать.

— Скоро будет шестнадцать, — возразил я, усаживаясь рядом.

— А потом семнадцать, — с невинным видом продолжила она. — А потом, представляешь, восемнадцать.

Я покачал головой, но Анна уже смеялась, явно довольная тем, как легко сумела меня поддеть. Мне нравился её смех, хотя иногда я подозревал, что она слишком уж любит смеяться именно надо мной.

— Твой отец тоже так считает? — спросил я после небольшой паузы.

— Он говорит, что ты хороший парень, но сначала должен научиться вести мельницу. И ещё что тебе не мешало бы стать немного спокойнее.

Последнее замечание я встретил недовольным взглядом. Анна, однако, ничуть не смутилась, а только поправила выбившуюся прядь волос и объяснила, что отец не против нашей будущей свадьбы, просто не видит причин торопиться. Я сказал, что и сам не собираюсь жениться завтра, но не понимаю, зачем всё время напоминать мне о возрасте.

— Потому что ты говоришь о будущем так, будто оно уже случилось, — ответила Анна, глядя на воду. — Ты решил, где мы будем жить, сколько у нас будет земли и даже какой сарай построишь первым. А меня иногда забываешь спросить.

Я растерялся. Мне казалось, что все эти разговоры доставляют ей не меньше удовольствия, чем мне, и потому я не сразу нашёлся с ответом.

— Но ведь ты сама говорила, что хочешь жить возле мельницы, — напомнил я наконец.

— Говорила. И сейчас хочу. Только можно же иногда просто поговорить, а не сразу всё решать.

Она произнесла это без обиды, скорее задумчиво, и я немного успокоился. Взяв её за руку, я предложил, чтобы она сама выбрала, где мы поставим будущий дом, если ей не

понравится место, которое я присмотрел возле сада. Анна улыбнулась и сказала, что до дома нам ещё далеко, а пока ей хотелось бы хотя бы хорошо провести праздник.

Тут она вспомнила о платье.

— Мама почти закончила его перешивать, — рассказала Анна. — Только мне кажется, что к нему нужна лента. Синяя, не слишком широкая. Я такую видела у купеческой дочери, когда они приезжали на прошлой неделе.

Я попытался представить, как будет выглядеть синяя лента на светлом платье, но, признаться, не увидел в этом особенной разницы. Анна заметила моё выражение и рассмеялась, объявив, что в одежде я совершенно ничего не понимаю. Я возразил, что зато разбираюсь в вещах куда более полезных, например в устройстве мельниц, и она согласилась с таким серьёзным видом, что я тоже не удержался от смеха.

— Куплю тебе ленту, — пообещал я, когда мы немного успокоились.

— Где же ты её возьмёшь? — спросила Анна, повернувшись ко мне.

— В Келльбруке. Отец скоро собирается продавать муку, я попрошусь с ним. Там наверняка есть какие-нибудь лавки с такими вещами.

Она оживилась и принялась объяснять, какой именно оттенок ей нужен. Оказалось, что просто синей ленты недостаточно: она должна быть не слишком тёмной, не слишком бледной, желательно с хорошей отделкой и непременно та-

кой, чтобы красиво смотрелась в волосах. Я выслушал всё это с большим вниманием, хотя уже через минуту понял, что запомнить подробности не смогу. В конце концов заверил её, что выберу самую красивую из всех, какие найду, и она, смеясь, сказала, что теперь ей остаётся только надеяться на мой вкус.

Анна наклонилась и поцеловала меня в щёку. Лицо вспыхнуло жаром; я оглянулся, хотя рядом никого не было. Анна улыбнулась ещё шире, но дразнить меня не стала.

Мы долго сидели у реки, обсуждая праздник, будущий дом и всякие мелочи, которые почему-то казались необыкновенно важными. Я рассказывал, как собираюсь расширить мельничный склад, когда отец позволит мне самостоятельно вести дела. Анна говорила о саде, который хотела бы посадить возле дома, и о том, что непременно заведёт несколько кур, даже если мне покажется, будто от них больше хлопот, чем пользы. Мы спорили, смеялись и время от времени замолкали, просто слушая, как вода тихо шуршит возле берега.

Мне нравилось представлять нашу будущую жизнь. Я хорошо знал, сколько работы требует мельница, и понимал, что лёгкой она не будет, но трудности не пугали меня, пока всё оставалось знакомым и понятным. Отец постепенно передаст мне дела, я женюсь на Анне, мы построим собственный дом неподалёку, а по праздникам станем собираться всей семьёй за большим столом. Мне хотелось, чтобы годы прохо-

дили именно так, один за другим, принося новые заботы, урожаи и поводы для радости.

Когда солнце начало клониться к вершушкам деревьев, Анна напомнила, что ей пора домой. Я проводил её до развилки, ещё раз пообещал не забыть о ленте и отправился к мосту, где уже собиралась молодёжь.

К моему приходу возле моста было довольнолюдно. Несколько девушек сидели на широких перилах, двое парней устроились на траве у берега, а Конни стоял посреди всей компании и с таким увлечением размахивал руками, что едва не задел проходившую мимо женщину. Она сердито одёрнула его, но он только извинился, поклонился с преувеличенной учтивостью и продолжил рассказывать свою историю, нисколько не смутившись.

— И вот этот человек, — говорил Конни, когда я подошёл ближе, — разбежался и одним прыжком перемахнул через телегу. Вместе с лошадыю, представляете?

Я остановился возле перил и прислушался, пытаюсь понять, что именно он имеет в виду. Судя по выражениям лиц девушек, никто из них особенно не верил рассказчику, но всем было весело, а потому перебивать его не спешили.

— Погоди, Конни, — сказал я, когда он сделал паузу, чтобы перевести дыхание. — Через телегу или через лошадь?

— Через обеих, — уверенно ответил друг.

— А телега тоже прыгала?

Компания расхохоталась. Конни одарил меня укоризнен-

ным взглядом — я испортил лучшую часть его рассказа, — а затем объявил, что зависть особенно дурно смотрится на людях, которым самим ни разу не довелось увидеть настоящего чуда.

— Я хотя бы не рассказываю сказки посреди белого дня, — возразил я, усаживаясь на свободное место.

— Разумеется. Ты рассказываешь их только вечером, когда говоришь, что однажды станешь богаче любого купца в Келльбруке.

Я хотел ответить, что ничего подобного никогда не говорил, но вспомнил наш недавний разговор о мельнице и решил не спорить. Тем более что девушки уже переключились на обсуждение праздника и пытались выяснить, кто из парней собирается участвовать в состязаниях.

Мы провели у моста довольно много времени. Кто-то рассказывал новости из соседних деревень, кто-то вспоминал смешные случаи с прошлогоднего праздника, а потом разговор незаметно перешёл к тому, чем каждый собирается заниматься через несколько лет. Один из парней хотел стать кузнецом, другой мечтал поступить учеником к городскому торговцу. Девушки говорили о будущих хозяйствах и семьях, хотя некоторые, по-моему, гораздо больше интересовались тем, кто пригласит их танцевать.

Конни заявил, что непременно построит самый большой дом в деревне, с резными ставнями и такой высокой крышей, чтобы её было видно от самой мельницы. Я поинтересовал-

ся, откуда он возьмёт деньги, и он совершенно серьёзно ответил, что сперва заработает их на строительстве чужих домов, а потом уже займётся собственным. Когда одна из девушек спросила, кто станет жить в таком огромном доме, он оглядел собравшихся и сказал, что пока ещё выбирает себе жену. Девушки принялись смеяться и наперебой объяснять, почему ни одна из них не согласится выйти за такого болтуна.

— А тебе хорошо, Матти, — заметил Конни, повернувшись ко мне. — У тебя всё уже расписано. Мельница, свадьба, дети, потом ещё одна мельница. Даже скучно становится.

— Мне не скучно, — возразил я. — Зато я знаю, чем буду заниматься.

— А если передумаешь? — спросил он, присаживаясь рядом.

Я уставился на него. Бросить отцовскую мельницу? Анну, с которой я собирался прожить всю жизнь?

— С чего бы мне передумывать? — спросил я.

— Не знаю. Вдруг захочешь куда-нибудь уехать, мир посмотреть. Может, в городе дело заведёшь. Или в солдаты запишешься.

Последнее предположение показалось мне настолько нелепым, что я рассмеялся. Конни, однако, не смеялся, а смотрел на меня с явным любопытством.

— Зачем мне в солдаты? — спросил я. — Чтобы двадцать

лет ходить по чужим дорогам и слушать приказы? У меня дома работы хватает.

— Ну, не все же двадцать лет служат, — заметил кто-то из парней.

— А если и служат, то сами на это соглашаются, — добавил Конни. — Может, кому-то такая жизнь нравится.

Я не стал спорить. Пусть кому-то и нравилось спать под открытым небом, маршировать по грязи и рисковать жизнью ради людей, которых он никогда не видел. Но меня такая судьба совершенно не привлекала. Я с удовольствием ездил бы в Келльбрук по торговым делам, мог бы когда-нибудь посетить большой город или даже отправиться в другое герцогство, если бы появилась выгода. Однако после любой поездки мне хотелось возвращаться домой, к реке и мельнице, а не искать себе новую жизнь среди незнакомцев.

Разговор вскоре сменился другими темами, и о солдатах все забыли. Солнце уже почти скрылось за деревьями, когда к мосту подошли трое старших парней из соседнего селения. По их громким голосам и неуверенной походке было нетрудно догадаться, что вечер они начали гораздо раньше нас и успели основательно выпить. Один из них остановился возле девушек и принялся отпускать грубые шутки, явно довольный собственным остроумием. Девушки сперва пытались отшучиваться, потом стали отвечать всё холоднее, но парень не унимался.

Меня так и подмывало поставить наглеца на место, хотя

он был старше и крепче. Я соскочил с перил и шагнул к нему, но Конни успел ухватить меня за рукав.

— Пойдём, Матти, — тихо сказал он, наклонившись ближе.

— Почему? — спросил я, стараясь высвободить руку. — Пусть сначала отстанут.

— Потому что они пьяные, — ответил друг, не повышая голоса. — И потому что нам с ними нечего делить.

В этот момент старший парень заметил, что я смотрю на него, и повернулся в нашу сторону. Он прищурился, сделал шаг вперёд и спросил, чего я уставился. Я уже набрал в грудь воздуха, собираясь ответить, но Конни дёрнул меня за рукав сильнее и почти силой увёл с моста. Остальные вскоре последовали за нами, а пьяная компания, не получив желаемой ссоры, осталась возле перил.

Мы отошли достаточно далеко, чтобы нас уже не было слышно, и я наконец высвободил руку.

— Могли бы и ответить, — недовольно сказал я. — Чего ты их испугался?

Конни помолчал и пожал плечами:

— Может, и испугался. Они втроём, все пьяные, а один вон какой здоровый. И что бы мы выиграли, если бы начали драться?

— Они к девушкам приставали.

— А девушки уже ушли. Разве не этого мы хотели?

Я оглянулся и увидел, что он прав: остальные действи-

тельно разошлись по домам, не дожидаясь продолжения неприятной встречи. Но признавать это мне не хотелось. Я всё ещё сердился на пьяных парней и немного на Конни, который не дал мне ничего сказать.

— Всё равно нельзя каждый раз уходить, — пробормотал я.

— А каждый раз драться можно? — спросил он с лёгкой усмешкой. — Мне отец и без того за разбитый нос работы прибавит. Скажет, раз головой думать не умею, пусть руки работают.

Я представил, как Отто Вебер заставит сына отрабатывать разбитый нос, и фыркнул. Конни уже говорил о другом, словно ссоры и не было. Он умел мириться, не произнося этого слова.

Мы пошли вдоль реки к развилке: одна дорога вела к мельнице, другая — к плотницкой мастерской. Под мостом темнела вода, над низкими лугами собирался вечерний туман, и где-то за деревней протяжно мычала корова, которую, должно быть, забыли пригнать домой. После дневной жары было приятно идти молча, подставляя лицо прохладному ветру.

— Слушай, — сказал Конни, когда впереди показались первые огни домов. — Если твой отец скоро поедет в Келльбрук, попроси, чтобы нас взял.

Я посмотрел на него.

— Зачем тебе?

— Да просто так. Давно в городе не был. Посмотрим, что там нового, может, на пристань сходим. Говорят, там сейчас большие баржи стоят, военные что-то закупают.

Я вспомнил разговор возле церкви и слова отца о предстоящей продаже муки. Поездка в город действительно должна была состояться скоро, но отец не всегда брал меня с собой, а уж приглашать друга без особой причины мог и вовсе отказать.

— Попробую, — пообещал я. — Только не знаю, согласится ли он.

— Скажи, что я с лошадьми помогу. Или мешки таскать буду. Ты же знаешь, я умею работать, когда приходится.

— Вот именно что когда приходится, — заметил я.

Он рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

— Значит, договорились. Завтра расскажешь, что сказал мастер Генрих.

На развилке мы остановились. Конни протянул руку, я пожал её, и мы попрощались до следующего дня. Он зашагал к дому, насвистывая какую-то весёлую мелодию, а я ещё немного постоял, глядя ему вслед, прежде чем повернуть к мельнице.

Издали уже слышался ровный шум водяного колеса. Над крышей нашего дома поднимался тонкий дымок, в окнах горел тёплый свет, а во дворе кто-то из работников негромко разговаривал с отцом. Я ускорил шаг, вспомнив, что утром обещал помочь с телегой и ещё не спросил разрешения на

поездку в город.

У самого дома я остановился и проверил, не потерял ли по дороге маленький мешочек с несколькими медными монетами, которые откладывал из собственных заработков. Деньги были на месте. Их, конечно, не хватило бы на дорогой подарок, но хорошую ленту для Анны я, пожалуй, мог себе позволить. Оставалось только выбрать подходящую, а это, судя по её объяснениям, было куда сложнее, чем казалось на первый взгляд.

Я убрал мешочек и вошёл во двор. Отец разговаривал с работником возле телеги; заметив меня, он подозвал поближе. По дороге я прикидывал, как заговорить о Келльбруке, чтобы отец не решил, будто меня интересуют одни развлечения.

Впереди было ещё несколько дней работы, потом праздник жатвы, танцы на площади и обещанная Анне синяя лента. Мне хотелось успеть всё сразу, и я был уверен, что при некоторой настойчивости это вполне возможно.

Глава третья. Хозяйское дело

На следующее утро я проснулся раньше, чем отец успел меня позвать. За окном ещё держались сумерки, но во дворе уже слышались голоса работников, и я решил, что лучше встать сразу, чем снова выслушивать замечания о своей любви поспать. Быстро одевшись, я спустился на кухню, где мать растапливала очаг, а Грета нарезала хлеб для завтрака. Младшие сёстры ещё спали, и в доме было непривычно тихо.

— Что это с тобой случилось? — спросила мать, увидев меня на пороге. — Не заболел ли?

— Просто встал пораньше, — ответил я, наливая себе воды из кувшина.

— Вот и хорошо. Может, сегодня даже успеешь умыться без напоминания.

Грета прыснула со смеху, но тут же отвернулась к столу, когда я посмотрел на неё. Я показал сестре кулак, скорее для вида, и вышел во двор. У колодца было прохладно, вода обожгла лицо, а с реки тянуло влажным ветром. Пока я умывался, из мельницы донёсся знакомый тяжёлый стук: работники открыли затвор, и водяное колесо постепенно набирало ход.

Отец стоял возле телеги, которую собирались готовить к городской поездке. Вместе с двумя работниками он осматривал колёса, проверял крепления и спорил о том, сколько мешков можно будет погрузить, не перегружая ось. Я подо-

шёл ближе и напомнил, что кузнец обещал починить скобу к завтрашнему дню.

— Помню, — сказал отец, не отрываясь от работы. — Только эта телега нам раньше понадобится. Придётся пока поставить другую скобу, а новую оставим про запас.

Он выпрямился и посмотрел на меня.

— Ты вчера хотел о чём-то поговорить?

Я обрадовался, что он сам вспомнил, и объяснил: Конни просится с нами в Келльбрук. С лошадьми он управится, при разгрузке поможет, а после работы мы вдвоём успеем посмотреть город. Отец слушал, не перебивая.

— Конрад Вебер, значит? — переспросил он.

— Да. Он работать умеет, ты же знаешь.

— Знаю, — согласился отец. — Когда его отец стоит рядом.

Я усмехнулся, но за друга вступился. Конни действительно любил поболтать и иногда увиливал от скучной работы, однако с деревом и инструментами обращался хорошо, а лошадей не боялся. К тому же мне хотелось поехать с ним, а не сидеть целый день рядом с отцом, пока тот обсуждает цены и счета.

— Посмотрим, — сказал отец наконец. — Сперва надо разобраться с телегой и закончить помол. А там видно будет.

Это был не отказ, и я решил, что на сегодня лучше оставить разговор. Вместо дальнейших просьб я взялся помогать работникам, чтобы у отца не возникло повода передумать.

Мы выкатили телегу из-под навеса и поставили её на ровное место возле сарая. Один из работников принёс деревянные подпорки, другой отправился за инструментами. Отец велел мне проверить упряжь, пока они займутся осью, и я уже собирался уходить, когда услышал, как он сердито окликнул работника.

— Стой! Не трогай пока!

Я обернулся.

Телега стояла немного под уклоном. Один из мужчин попытался подвести под колесо тяжёлый деревянный чурбак, но тот выскользнул из рук. Колесо медленно повернулось, и телега с неприятным скрипом сдвинулась вперёд. Отец, находившийся возле оси, успел ухватиться за край кузова и крикнуть, чтобы все отошли. Один работник отскочил в сторону, другой бросился к оглоблям, пытаясь удержать телегу.

Всё произошло так быстро, что я не сразу понял, насколько опасным оказалось положение. Телега прокатилась всего на несколько шагов, прежде чем переднее колесо ударилось о лежавшее у стены бревно. Кузов резко качнулся, отец потерял равновесие и упал. Я услышал глухой удар, затем короткий вскрик, какого никогда прежде от него не слышал.

— Отец!

Я бросился к нему. Он лежал на боку возле колеса, одной рукой упираясь в землю, другой держась за левую ногу. Лицо его побледнело, а губы были крепко сжаты. Работники остановили телегу и теперь стояли рядом, растерянно пере-

глядываясь.

— Не стойте столбами, — прохрипел отец. — Закрепите колёса, пока она ещё на кого-нибудь не наехала.

Один из мужчин немедленно побежал за чурбаками. Я опустился рядом с отцом и попытался помочь ему подняться, но он резко остановил меня.

— Подожди, Матти. Не дёргай.

Я убрал руки и только теперь заметил, что его левая нога неестественно подвернулась под телом. Сапог был цел, крови не было видно, но отец явно испытывал сильную боль. Он осторожно выпрямил ногу, попробовал пошевелить ступнёй и выругался сквозь зубы.

— Сломал? — спросил я, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Не знаю. Дай минуту.

Я хотел сказать, что надо немедленно позвать мать, но он уже попытался приподняться. Я подставил плечо, и вместе с одним из работников мы помогли ему сесть на низкую скамью у стены. Отец опустил ногу на землю, осторожно перенёс на неё часть веса и тут же побледнел ещё сильнее.

— Не встану, — признал он, тяжело дыша. — По крайней мере, сейчас.

Мне стало страшно. Отец всегда казался человеком, которого невозможно свалить с ног. Он поднимал мешки, с которыми я едва справлялся вдвоём с Конни, часами работал в холодной воде возле плотины и почти никогда не жаловался

на усталость. Видеть его беспомощно сидящим у стены было настолько непривычно, что я несколько мгновений не мог придумать, что делать.

— Я за матерью, — сказал я наконец и, не дожидаясь ответа, побежал к дому.

Мать вышла во двор почти сразу. Она не стала расспрашивать меня по дороге, только велела Грете присмотреть за младшими и послала одного из работников за местным лекарем. Когда мы подошли к сараю, отец уже пытался объяснить мужчинам, как следует закрепить телегу, словно ничего особенного не произошло.

— Генрих, — произнесла мать таким голосом, что он немедленно замолчал.

Она присела рядом, осторожно осмотрела ногу и спросила, где именно болит. Отец показал на область чуть выше щиколотки и попробовал пошевелить ступнёй. Мать нахмурилась, но не стала делать никаких выводов, пока не придёт лекарь. Вместо этого распорядилась перенести отца в дом, подготовить чистую воду и освободить стол в большой комнате.

— Марта, у нас телега разобрана, — попытался возразить отец, когда работники подняли его с обеих сторон.

— Телега подождёт, — отрезала мать. — А если ты сейчас снова упадёшь, придётся ещё и тебя по частям собирать.

Отец хотел что-то ответить, но, встретившись с её взглядом, передумал. Я шёл рядом, поддерживая его под локоть,

и впервые заметил, как тяжело он переносит каждый шаг. В доме его усадили на широкую лавку, а затем помогли лечь, подложив под больную ногу сложенное одеяло.

Лекарь пришёл ближе к полудню. Это был пожилой мужчина из соседнего селения, которого звали всякий раз, когда требовалось вправить вывих, наложить шину или обработать серьёзную рану. Он долго осматривал ногу, ощупывал кости, задавал вопросы и несколько раз заставлял отца осторожно двигать ступнёй. Я стоял у двери и следил за каждым его движением, стараясь по выражению лица понять, насколько всё плохо.

— На перелом не похоже, — сказал лекарь наконец. — Но связки ты повредил крепко. И ушиб сильный. Если не хочешь остаться хромым, хотя бы несколько дней на ногу не наступай.

Отец недовольно выдохнул.

— Несколько дней?

— Не меньше. А лучше неделю. Потом посмотрим, как пойдёт.

— У меня работа.

— У всех работа, мастер Генрих. Только нога у тебя одна такая, другой взамен не дадут.

Мать молча кивнула. Лекарь наложил тугую повязку, велел прикладывать холод и оставил мазь на вечер. Когда он ушёл, отец лежал, глядя в потолок, а потом потребовал книгу учёта.

— Нет, — сказала мать.

— Марта, я же не собираюсь с ней бегать.

— Книгу принесу. Но сначала поешь и отдохни.

Отец закрыл глаза, словно собирался спорить, но вместо этого только махнул рукой.

Я вышел во двор, где работники уже вернулись к телеге. Один из них извинился за случившееся, хотя отец не обвинял его ни в чём. Я сам видел, что всё произошло из-за неудачно поставленной подпорки и поспешности, а не потому, что кто-то намеренно нарушил приказ. Но от этого мне было не легче. Если бы я заметил уклон раньше, если бы сам подложил чурбак под колесо, если бы успел крикнуть...

Эти мысли крутились в голове, пока я помогал закреплять телегу. Несколько раз я ловил себя на том, что смотрю в сторону дома, ожидая увидеть отца на пороге. Но дверь оставалась закрытой, и мне приходилось самому решать, что делать дальше.

К вечеру мы закончили работу, которую отец собирался выполнить ещё утром. Я проверил крепления, пересчитал приготовленные мешки и записал в книгу, какие из них уже готовы к отправке. Работники слушали мои распоряжения без возражений, хотя один из них дважды переспросил, действительно ли отец велел поступить именно так. Я ответил, что велел, и только потом подумал, что отец, возможно, распорядился бы иначе.

Когда стемнело, я вернулся в дом усталым и раздражён-

ным. Мать встретила меня на кухне, поставила передо мной миску горячей похлёбки и велела сначала поесть, а потом рассказывать о работе.

— Отец как? — спросил я, усаживаясь за стол.

— Лучше, чем утром. Боль немного утихла, но вставать ему пока нельзя.

— Он сердится?

— Конечно, — ответила мать с лёгкой улыбкой. — Ты же его знаешь.

Я и сам не мог представить отца, который целыми днями лежит на лавке и слушает, как другие работают на его мельнице, было почти невозможно. Наверное, уже завтра он начнёт требовать, чтобы его вынесли во двор вместе со скамьёй.

После ужина мать попросила меня остаться и помочь разобрать счета. Грета увела младших сестёр спать, а отец наконец задремал в соседней комнате. На столе лежала книга учёта, рядом стояла небольшая деревянная шкатулка с монетами и несколько дощечек, на которых мать записывала домашние расходы.

Я сел напротив неё, взял перо и принялся сверять записи. Сначала работа шла молча, но вскоре мать заметила, что я слишком часто отвлекаюсь и смотрю в сторону двери.

— Что тебя беспокоит, Матти? — спросила она, отложив одну из дощечек.

— Ничего, — ответил я, хотя сам понимал, что это неправда.

Мать не стала настаивать. Она продолжила считать монеты, а я водил взглядом по строкам книги, не разбирая цифр. Наконец заговорил.

— Если отец не сможет поехать в город, кто повезёт муку?

— Пока не знаю, — призналась мать. — Может, придётся отложить продажу.

— Но ведь купец ждёт. И деньги нужны.

— Знаю.

Я помедлил, затем сказал то, о чём думал почти весь день:

— Я мог бы поехать вместо него.

Мать подняла глаза. Она не рассмеялась и не сказала, что я слишком молод, но посмотрела на меня так внимательно, что мне стало немного неловко.

— Ты уверен, что справишься? — спросила она.

— Конечно. Я знаю, сколько мешков приготовлено, сколько они весят и какую цену обещал Альбрехт. Отец сам учил меня вести записи.

— Это правда, — согласилась мать. — Только продажа муки — не одна арифметика. Нужно договориться с людьми, проверить вес, получить деньги, проследить за лошадьми и вернуться домой. Если что-то пойдёт не так, отца рядом не будет.

— Я понимаю.

— Понимаешь ли?

В её голосе не было насмешки, но вопрос задел меня сильнее, чем я ожидал. Мне хотелось доказать, что я способен на

большее, чем просто таскать мешки и записывать цифры в книгу. Я уже несколько лет работал на мельнице, знал покупателей и ездил с отцом в Келльбрук. Почему же все продолжали говорить со мной так, словно я едва научился ходить?

— Мам, — начал я, стараясь говорить спокойно, — если мне никогда ничего не доверять, я так и не научусь. Отец сам говорит, что однажды мельница станет моей. Но как я буду ею управлять, если не умею даже отвезти муку в город?

Мать положила перо поперёк раскрытой книги и внимательно на меня посмотрела.

— Когда мне было немногим больше лет, чем тебе сейчас, — сказала она, — моя мать впервые отправила меня одну на рынок. Нужно было продать масло и купить ткань. Я заранее всё посчитала, знала, сколько должна получить и сколько могу потратить. А потом одна торговка так ловко меня заговорила, что я вернулась домой с тканью хуже той, которую собиралась купить, да ещё и переплатила.

Я удивлённо посмотрел на неё. Мать редко рассказывала о собственной молодости, а представить её обманутой на рынке было почти так же трудно, как отца лежащим без дела.

— И что сказала бабушка? — спросил я.

— Спросила, почему я не посоветовалась с кем-нибудь, прежде чем отдавать деньги. А я ответила, что хотела справиться сама.

Мать улыбнулась, вспоминая что-то своё.

— Знаешь, что она мне тогда сказала? Что самостоятель-

ность не в том, чтобы всё делать без чужой помощи. А в том, чтобы понимать, когда эта помощь нужна.

Я опустил глаза к книге. Мне показалось, что она снова пытается объяснить мне то же самое, о чём говорил отец после спора с крестьянином. Наверное, в этом была какая-то важная мысль, но признавать её правоту мне всё ещё не хотелось.

— Я ведь не собираюсь ехать совсем один, — возразил я. — Конни может помочь. Он давно просился в город, да и с лошадьми обращаться умеет.

— Конрад хороший мальчик, — сказала мать. — Только вы вдвоём иногда стоите одного неразумного человека.

Я улыбнулся.

— Это потому, что ты нас вместе видишь.

— Именно поэтому, — согласилась она.

Мы подробно разобрали предстоящую продажу. Мать задавала вопросы о дороге, цене муки, порядке расчётов и о том, где я собираюсь оставить телегу, пока буду искать купца. На некоторые я отвечал сразу, над другими приходилось задумываться. Она не пыталась меня запутать, но после каждого ответа находила новую подробность, о которой я прежде не подумал.

Наконец мать закрыла книгу и поднялась из-за стола.

— Посмотрим, что скажет отец. Пока никакого решения нет. И, Матти, не надо думать, будто мы сомневаемся в тебе только потому, что тебе пятнадцать. Просто цена ошибки

иногда бывает слишком высокой.

Я хотел спросить, неужели она сама никогда не ошибалась после той истории с тканью, но передумал. Вместо этого помог убрать со стола, отнёс книгу в комнату отца и пожелал ему спокойной ночи.

Он лежал на широкой лавке, подложив под больную ногу свёрнутое одеяло. При свете свечи лицо его казалось усталым, а на лбу залегли глубокие складки. Увидев меня, отец приподнялся на локте.

— С телегой закончили? — спросил он.

— Закончили. Колёса закрепили, ось проверили. Завтра ещё раз осматрю, прежде чем грузить.

— Хорошо. Только не торопитесь с погрузкой, пока не будет ясно, когда поедem.

Я всё-таки спросил:

— А если ты не сможешь, я могу поехать вместо тебя?

Отец долго смотрел на меня, затем перевёл взгляд на перевязанную ногу.

— Поговорим завтра, — сказал он наконец. — Сейчас поздно.

Я пожелал ему спокойной ночи и вышел. Ответ меня не удовлетворил, но в то же время отец не отказал сразу, а значит, надежда оставалась.

На следующий день я с самого утра занялся мельничными делами. Отец пытался руководить из дома, посылая работников то за книгой, то за инструментами, то за очередным

объяснением того, что происходило во дворе. Мать несколько раз просила его успокоиться и не мешать людям работать, но он только сердито ворчал, что без него всё непременно пойдёт наперекосяк.

Я старался делать как можно больше самостоятельно. Проверил работу жерновов, помог разгрузить две телеги с зерном, проследил за очисткой новой партии ржи и ещё до полудня успел заглянуть к кузнецу, чтобы узнать, готова ли скоба. Мастер обещал закончить к вечеру, но, услышав о случившемся с отцом, посоветовал не спешить с тяжёлыми перевозками. Я поблагодарил его и вернулся на мельницу, чувствуя себя почти настоящим управляющим.

После полудня во двор въехал незнакомый всадник. Вернее, незнакомой была лошадь — высокого рыжего мерина я прежде не видел, — а вот самого всадника узнал почти сразу. Это был Филипп Альбрехт, сын келльбрукского купца, с которым отец вёл дела уже много лет. Филиппу было лет шестнадцать или семнадцать, он носил добротную городскую одежду, следил за чистотой сапог и держался с той уверенностью, которая часто встречается у молодых людей, привыкших разговаривать с приказчиками от имени своих отцов.

Я вышел ему навстречу, когда он спешил к колодцу.
— Добрый день, Филипп. Ты к отцу?

— К мастеру Генриху, — подтвердил он, поправляя ремень дорожной сумки. — У меня письмо от моего отца. Де-

ло срочное.

Я предложил ему воды и велел одному из работников присмотреть за лошадьёю, после чего проводил гостя в дом. Отец сидел возле окна, вытянув больную ногу на низкой скамье, и просматривал записи. Увидев Филиппа, он нахмурился, но сразу отложил книгу.

— Что случилось? — спросил отец. — Йост передумал брать муку?

— Наоборот, мастер Генрих, — ответил Филипп, доставая письмо. — Ему нужно больше, чем он собирался покупать. И как можно скорее.

Отец развернул письмо и принялся читать. Я стоял рядом, стараясь не заглядывать ему через плечо, хотя любопытство буквально распирало меня. Наконец он дочитал, сложил лист и посмотрел на Филиппа.

— Военные, значит?

— Да. Вчера пришли два больших речных судна с армейскими снабженцами. Они закупают муку, зерно, солонину и всё, что можно быстро погрузить. Отец говорит, что спрос сейчас большой, а цена лучше обычной. Но баржи задерживаться не собираются. Если хотим продать по этой цене, нужно доставить муку не позднее послезавтрашнего утра.

Отец задумчиво потёр подбородок. Я видел, что предложение его заинтересовало: армейские закупки обычно давали возможность продать крупную партию сразу, не ожидая, пока несколько мелких покупателей соберут деньги. Но за-

тем он посмотрел на свою ногу, и выражение лица изменилось.

— Не вовремя, — пробормотал он. — Совсем не вовремя.

Филипп заметил повязку и спросил, что произошло. Отец коротко рассказал о несчастном случае, стараясь представить всё пустяком, хотя я видел, как он поморщился, когда попытался удобнее устроить ногу.

— Если дело только в перевозке, — сказал Филипп после небольшой паузы, — мой отец может прислать людей. Но тогда придётся вычестить из цены расходы на дорогу и погрузку. И, боюсь, не раньше завтрашнего вечера.

Отец покачал головой.

— Завтра вечером уже поздно выезжать. До Келльбрука не доберутся вовремя.

Сердце забилося чаще. Вот она, возможность, о которой я говорил матери: купцу нужна мука, цена хорошая, отец ехать не может, а я знаю дорогу, количество мешков и условия сделки.

— Я могу отвезти, — сказал я прежде, чем успел как следует обдумать слова.

Отец и Филипп одновременно посмотрели на меня.

— Матти, — начал отец, но я уже сделал шаг вперёд.

— Я всё подготовлю. Мешки проверены, телегу мы починили, дорогу я знаю. Филипп может передать отцу, что мы приедем вовремя. Конни поедет со мной, он поможет с лошадьми и разгрузкой.

Отец медленно сложил письмо и положил его на стол.

— Ты хоть понимаешь, сколько там денег?

— Понимаю. Мы ведь считали цену ещё на прошлой неделе.

— А если на пристани окажется другой вес? Если снабженцы потребуют скидку? Если купец скажет, что мука отсырела в дороге?

Я открыл рот, собираясь ответить, но отец поднял руку.

— Не спеши. Подумай сначала.

Я заставил себя замолчать. Филипп стоял возле двери и с явным интересом наблюдал за нашим разговором. Мне было неприятно, что отец задаёт такие вопросы при постороннем, словно я совсем ничего не умею, но после вчерашнего разговора с матерью я решил хотя бы попытаться отвечать спокойно.

— Вес проверим при разгрузке, — сказал я. — Если будут сомнения, позовём городского весовщика. Мешки накроем полотном, а перед погрузкой ещё раз осмотрим. Насчёт цены... у нас ведь есть письмо Альбрехта с предложением. Он не станет менять условия просто так.

Филипп улыбнулся: мои слова его, кажется, устроили.

— Отец действительно обещал принять муку по указанной цене, если качество будет прежним, — заметил он. — И я могу заранее предупредить приказчика, чтобы вас ждали.

Отец посмотрел на него, затем снова на меня. Я видел, что он всё ещё сомневается, но уже не считает моё предложение

совершенно невозможным.

— Ладно, — сказал он наконец. — Дайте мне подумать. Филипп, передай отцу, что мы ответим сегодня до вечера. Если решим ехать, отправим с тобой записку.

Филипп согласился и поднялся. Я проводил его во двор, помог напоить лошадь и спросил, сколько времени он собирается оставаться в деревне. Он ответил, что переночует на постоялом дворе, поскольку возвращаться в город поздно, а утром поедет обратно. Я предложил ему заглянуть к нам вечером за ответом, и он обещал прийти.

Когда Филипп уехал, я вернулся в дом. Отец всё ещё сидел у окна с письмом в руках. Мать стояла рядом и, судя по выражению её лица, уже успела выслушать основную часть разговора.

— Значит, хочешь ехать, — сказал отец, когда я вошёл.

— Хочу, — ответил я.

Он велел принести книгу учёта и усадил меня напротив. Следующие полчаса превратились в настоящий экзамен. Отец спрашивал о количестве мешков, весе, цене, расходах на дорогу, плате за стоянку в городе и о том, как следует оформлять расписку. Он придумывал разные неприятности, которые могли случиться по пути, а я старался отвечать как можно точнее. Иногда мне приходилось заглядывать в записи, иногда — пересчитывать суммы прямо на полях чернового листа.

Один раз я ошибся, забыв учесть плату за городские ве-

сы. Отец заметил это сразу, но не стал ругать, а только велел пересчитать ещё раз. Когда я закончил, он долго смотрел на получившуюся сумму, затем закрыл книгу и откинулся на спинку стула.

— Считать ты умеешь, — признал он. — И дорогу знаешь. Но деньги получишь большие, Матти. Не вздумай хвастаться ими в городе и никому не показывай без надобности.

Я кивнул.

— И никаких лишних покупок, пока не закончишь дело. Сначала сдашь муку, получишь расписку и деньги, потом уже можешь смотреть город. Понял?

— Понял.

— Деньги держать при себе не станешь. Отдашь на хранение Йосту Альбрехту, пока не соберёшься домой. Он человек надёжный, мы с ним давно работаем. Если понадобится, он выдаст тебе письменное подтверждение, что принял всю сумму.

Пока отец продолжал наставления, я уже прикидывал, где купить Анне обещанную ленту. На это у меня имелось несколько собственных медяков; к отцовской выручке я прикасаться не собирался.

— Конрад поедет с тобой, если Отто разрешит, — продолжил отец. — Но отвечать за всё будешь ты. Не он, не приказчик Альбрехта и не какой-нибудь добрый человек на пристани. Ты. Если возникнет спор, не лезь в драку и не пытайся доказать, что умнее всех. Найди Филиппа или самого Йоста,

объясни, в чём дело, и попроси помощи.

Я хотел возразить, что справлюсь сам, но вовремя вспомнил слова матери и промолчал.

Отец заметил моё колебание и усмехнулся.

— Вот видишь, уже учишься.

Мать подошла ближе и положила руку ему на плечо.

— Значит, отпускаешь?

Отец вздохнул, посмотрел на перевязанную ногу и наконец кивнул.

— Отпускаю. Только если всё подготовим как следует.

Я едва не вскочил со стула. Но отец тут же велел составить список всего необходимого и проверить корм для лошадей. До вечера дел оказалось столько, что радоваться разрешению было некогда.

Конни я нашёл возле плотницкой мастерской. Он сидел на перевёрнутом бревне и строгал небольшую деревянную фигурку, время от времени поглядывая на отца, который работал под навесом. Увидев меня, друг сразу понял по выражению моего лица, что случилось что-то интересное.

— Ну что? — спросил он, откладывая нож. — Отпустил?

— Отпустил, — ответил я, стараясь говорить спокойно.

— Только ехать придётся завтра на рассвете. И работать по-настоящему, а не просто смотреть город.

Конни вскочил с бревна так быстро, что фигурка упала в траву.

— Серьёзно? В Кельбрук?

— Да. Но сначала спроси у отца.

Мастер Отто, услышав наши голоса, вышел из-под навеса и поинтересовался, что мы опять задумали. Я объяснил ему про армейскую закупку, травму отца и необходимость срочно отвезти муку в город. Отто слушал внимательно, изредка поглядывая на сына, который стоял рядом с таким видом, будто уже мысленно ехал по дороге к Келльбруку.

— Генрих действительно тебя посылает? — уточнил плотник, когда я закончил.

— Да, мастер Отто. Он сам сказал, что Конни может поехать, если вы разрешите.

Отто почесал подбородок и посмотрел на сына.

— Помогать будешь, а не по трактирам шататься?

— Конечно, отец, — с готовностью ответил Конни. — Я же не маленький.

— Вот именно это меня и тревожит, — проворчал Отто. — Когда ты был маленьким, хотя бы слушался.

Я отвернулся, пряча улыбку. Отто ещё поворчал, что у него самого работы невпроворот, но в конце концов разрешил сыну ехать. Велел взять крепкие сапоги, запасную рубашу и плащ: в дороге погода меняется быстро.

— И смотри мне, — добавил он, указывая на сына пальцем. — Матиас за торговлю отвечает, а ты за лошадей и телегу. Если вернётесь без колеса, будешь новое делать своими руками.

— А если без лошади? — не удержался Конни.

Отто посмотрел на него так, что тот немедленно перестал улыбаться.

— Тогда лучше тебе самому не возвращаться, — ответил плотник.

Мы оба поняли, что он шутит лишь наполовину.

Вернувшись на мельницу, я принялся за приготовления. Работники уже начали грузить мешки, и мне пришлось несколько раз сверять количество с записями, чтобы ничего не перепутать. Мы укладывали муку плотными рядами, следя, чтобы вес распределялся равномерно, затем накрывали груз полотном и крепко затягивали верёвки. Я проверил колёса, осмотрел упряжь и убедился, что запасная скоба лежит в ящике с инструментами. Отец несколько раз присылал за мной, чтобы уточнить какую-нибудь мелочь, но в основном позволял работать самостоятельно.

Мать тем временем собирала дорожные припасы. Она приготовила хлеб, сыр, несколько кусков холодного мяса и небольшую флягу с питьём. Потом добавила чистую рубаху, запасные чулки и тёплый плащ, хотя я уверял, что в такую погоду он совершенно не понадобится.

— Дорога не спрашивает, какую погоду ты ожидал, — заметила она, складывая вещи в мешок. — И не вздумай ехать ночью, если задержитесь в городе. Лучше переночуйте у Альбрехта или на постоялом дворе, чем рисковать лошадами в темноте.

Я обещал быть осторожным, хотя сам надеялся управить-

ся за один день и вернуться домой как можно скорее. Мне хотелось показать отцу, что я способен не только отвезти муку, но и сделать это быстрее, чем он рассчитывал.

К вечеру всё было готово. Филипп Альбрехт зашёл за ответом и получил от отца записку с подтверждением, что мы привезём муку к назначенному времени. Он пообещал предупредить приказчика и пожелал нам хорошей дороги. После его ухода отец ещё раз проверил список груза, велел мне сесть рядом и внимательно выслушать последние наставления.

— Деньги не пересчитывай на улице, — сказал он. — Получишь их у Альбрехта, сверишь сумму с распиской и сразу отдашь ему на хранение до отъезда. Если кто-нибудь предложит сделку выгоднее, не соглашайся без моего разрешения. И не позволяй себя торопить, когда речь идёт о весе или плате.

— Я всё понял, отец, — ответил я, стараясь не показывать нетерпения.

— Знаю, что понял. Только понять и сделать — разные вещи.

Он немного помолчал, затем добавил уже мягче:

— Ты хорошо работал последние дни, Матти. Я вижу. Но не думай, что обязан справиться с любой неприятностью в одиночку. Если что-то пойдёт не так, обращай к Йосту. Он поможет.

Я кивнул. Мне было приятно услышать похвалу, хотя по-

следние слова снова напомнили, что отец всё ещё считает меня неопытным. Впрочем, спорить не хотелось. Завтра я впервые повезу в город большую партию муки без его сопровождения, и одно это значило для меня больше любых разговоров.

Когда я поднялся, отец неожиданно протянул руку. Я пожал её, чувствуя непривычную торжественность этого жеста. Обычно он просто хлопал меня по плечу или велел идти заниматься делом, но сейчас смотрел серьёзно, почти как на взрослого работника, которому доверяют важное поручение.

— Не подведи меня, сын, — сказал он.

— Не подведу, — ответил я.

Позднее, уже перед сном, мать ещё раз проверила мой дорожный мешок. Она убедилась, что там есть еда, запасная одежда и небольшой кошелёк с деньгами на дорогу, после чего завязала горловину крепким узлом. Я стоял рядом и терпеливо ждал, пока она закончит, хотя мне казалось, что все необходимые приготовления мы сделали ещё час назад.

— И Конрада не теряй, — добавила она, передавая мне мешок. — Он, конечно, болтун, но друг хороший. Смотрите друг за другом.

— Будем, — пообещал я.

Мать вдруг обняла меня. Я смутился и попытался отстраниться, но она удержала меня ещё на мгновение.

— Возвращайся поскорее, Матти, — сказала она тихо. — И не заставляй нас волноваться.

Я заверил её, что ничего страшного не случится, и пообещал привезти с городского рынка что-нибудь для младших сестёр, если останутся деньги. Мать улыбнулась и велела сначала выполнить поручение отца, а подарки покупать уже потом.

Поднявшись к себе, я долго не мог уснуть. За окном шумела река, где-то во дворе переступала копытами лошадь, а из соседней комнаты доносились приглушённые голоса родителей. Я лежал на спине, глядя в темноту, и мысленно перебирал всё, что предстояло сделать завтра: выехать до рассвета, добраться до Келльбрука, найти склад Альбрехта, проверить вес, получить деньги и расписку, затем договориться о ночлеге или обратной дороге.

Я не раз ездил с отцом в город, знал дорогу и видел, как он торгуется с купцами. Теперь предстояло самому отвечать за груз. От этой мысли было тревожно и радостно разом: впервые отец доверил мне настоящее хозяйское дело, и я собирался доказать, что не зря.

Уже засыпая, я вспомнил про Анну и обещанную синюю ленту. Надо будет обязательно зайти на рынок после продажи муки, подумал я. В Келльбруке наверняка найдётся подходящая, а если повезёт, останется время ещё и посмотреть пристань вместе с Конни.

С этими мыслями я наконец уснул, предвкушая завтрашнюю поездку.

Глава четвёртая. Хорошая цена

Конни приехал ещё затемно, когда я только собирался выводить лошадей из стойла. Он остановился у ворот с дорожным мешком через плечо и таким довольным видом, будто мы отправлялись не продавать муку, а на большой осенний праздник. На нём была чистая рубаша, крепкие рабочие штаны и старый плащ, который, судя по всему, когда-то принадлежал его отцу. Плащ оказался ему длинноват, и Конни то и дело наступал на край, пока шёл через двор.

— Ты чего так рано? — спросил я, затягивая подпругу на ближней лошади.

— Боялся, что ты уедешь без меня, — ответил он и бросил мешок возле телеги. — Да и отец поднял ещё до рассвета. Сказал, раз собрался путешествовать, нечего дома спать.

— Правильно сказал.

— Не начинай, Матти. Я ещё от одного отца не отдохнул, а тут ты.

Он подошёл к лошади, погладил её по шее и принялся проверять ремни. Несмотря на обычную болтовню, Конни работал быстро и толково. Он умел обращаться с упряжью не хуже меня, потому что его отец часто отправлял готовые изделия заказчикам и сыну приходилось помогать с перевозкой. Пока я осматривал колёса и крепления груза, Конни успел проверить обеих лошадей, подтянуть один ремень и

заметить, что запасную верёвку мы уложили слишком глубоко под мешками.

— Если понадобится, замучаемся доставать, — сказал он, показывая на край телеги. — Лучше сюда привязать.

Я уступил ему верёвку. Конни усмехнулся и принялся крепить мешок так уверенно, словно всю жизнь только этим и занимался.

Во дворе собирались работники. Один принёс фонарь, другой распахнул ворота, третий ещё раз проверил крепления. Мешки лежали ровными рядами под плотным полотном. Я обошёл телегу, подёргал крайнюю верёвку и только тогда позволил себе выдохнуть: всё было готово.

Мать вынесла корзину со свежим хлебом, сыром и варёными яйцами, поставила рядом с дорожным мешком и велела позавтракать. Я уверял, что не голоден, пока не почувствовал запах тёплого хлеба. Конни уговаривать не пришлось: он уже сидел на скамье и ел с таким усердием, словно дома его морили голодом.

— Не торопитесь в дороге, — сказала мать, наблюдая за нами. — И лошадей не гоните. Лучше приехать немного позже, чем загнать животных.

— Мы успеем, — заверил я. — Если выедем сейчас, к полудню уже будем в городе.

— Вот и хорошо. Только не забывай, что дорога туда и обратно одна и та же, а лошадям ещё возвращаться.

Она поправила ворот моей рубахи, хотя я уверял, что с

ним всё в порядке, и напомнила о деньгах, расписке и письме для купца. Я показал ей кожаную сумку, в которой лежали все бумаги, после чего она наконец успокоилась.

Отец тоже вышел проводить нас. Он передвигался с помощью толстой палки, которую один из работников вырезал ему накануне, и заметно хромал. Мать сердито посмотрела на него, когда он появился на крыльце, но ничего не сказала. Отец остановился возле телеги, осмотрел лошадей и груз, затем попросил показать, где я убрал запасные крепления.

Я указал на верёвку, привязанную Конни, и отец одобительно кивнул.

— Хорошо. Только помни, Матти: если что-то случится в дороге, сначала смотри за лошадьми. Телегу починим, мешки можно перегрузить, а хороших животных так просто не заменишь.

— Помню, отец.

— И не спорь с городскими весовщиками, если не уверен в своём. Сначала проверь их гири, потом уже открывай рот.

Я снова кивнул. Отец ещё немного помолчал, словно собирался добавить что-то важное, но затем протянул мне руку.

— Ну, езжайте. И возвращайтесь с доброй выручкой.

Я крепко пожал его ладонь. Конни тоже попрощался с родителями, хотя его отец на мельницу не приходил, а только передал через сына несколько наставлений, которые тот теперь с удовольствием пересказал вслух. По словам Конни,

мастер Отто велел нам не пить, не играть в кости, не ввязываться в драки, не покупать краденых вещей и вообще вести себя так, чтобы ему потом не пришлось идти за нами в город.

— А ещё он сказал, — добавил Конни, забираясь на телегу, — что если я вернусь без сапог, то следующие сделаю себе сам. Из дерева.

Мать улыбнулась, но отец только покачал головой.

— Слушай своего отца, Конрад. Он дело говорит.

Мы устроились на передней скамье, я взял вожжи, и телега медленно покатила к воротам. Колёса тяжело скрипнули под грузом, лошади натянули постромки, и вскоре мы уже выехали на деревенскую улицу. Я оглянулся. Мать стояла возле крыльца, отец рядом с ней опирался на палку, а из окна выглядывали Лотта и Эмма, которым, должно быть, не терпелось посмотреть, как старший брат отправляется в город без сопровождения взрослых. Мина, по-видимому, ещё спала, и я решил, что так даже лучше: иначе пришлось бы долго объяснять, почему её нельзя взять с собой.

Когда дома Липовиц остались позади, Конни вытянул ноги, поправил плащ и глубоко вздохнул.

— Ну вот, Матти. Теперь мы настоящие купцы.

— Купцы муку покупают и продают, — заметил я. — А мы только везём.

— Значит, настоящие купеческие помощники. Звучит почти так же хорошо.

Я рассмеялся и слегка тронул вожжи, направляя лошадей

на широкую дорогу, ведущую к Келльбуруку.

Первые часы пути прошли спокойно. Дорога тянулась между полями, затем входила в небольшой лес, где под колёсами похрустывали сухие ветки и прошлогодняя листва. После недавних дождей в низинах ещё оставались глубокие колеи, но основная часть дороги была достаточно сухой, и лошади шли ровным шагом, не требуя постоянного понукания. Мы несколько раз останавливались, чтобы проверить крепления и дать животным передохнуть, а возле ручья напоили их и сами перекусили хлебом с сыром.

Конни почти не умолкал. Он рассказывал о том, как его отец однажды ездил чинить крышу в соседний город, вспоминал разные истории, услышанные от плотников, и строил планы на тот день, когда у него появится собственная мастерская. По его словам, он непременно станет брать заказы только у богатых людей, потому что те платят больше, а работать с ними, должно быть, гораздо приятнее.

— Богатые тоже торгуются, — заметил я, вспоминая отцовские разговоры с купцами. — Иногда даже сильнее бедных.

— Тогда буду брать с них вдвое больше, чтобы было из чего уступать.

— А если никто не станет заказывать?

Конни задумался, почесал затылок и признал, что этот вопрос требует более тщательного рассмотрения. Затем предложил мне вложить деньги в его будущую мастерскую, обе-

щая за это пожизненную скидку на все плотницкие работы. Я ответил, что сначала хотел бы увидеть хотя бы один дом, построенный им самостоятельно, после чего друг принялся уверять меня, что уже сейчас способен возвести целый сарай без посторонней помощи.

За разговорами время шло быстрее. Иногда мы замолкали, прислушиваясь к скрипу колёс и стуку копыт. Я смотрел на дорогу, следил за лошадьми и время от времени проверял, не ослабло ли полотно над грузом. Мне нравилось сидеть на передней скамье с вожжами в руках и понимать, что теперь именно я отвечаю за нашу поездку. Конечно, дорогу я знал хорошо, а Конни мог в любой момент помочь, но всё равно ощущение было непривычным и приятным.

Ближе к полудню мы встретили несколько телег, направлявшихся в противоположную сторону. На одной везли бочки, на другой — длинные доски, аккуратно уложенные и перевязанные верёвками. Возницы приветствовали нас короткими кивками, а один пожилой мужчина остановился, чтобы спросить, далеко ли до ближайшего постоянного двора. Я объяснил ему дорогу, и он поблагодарил, заметив, что в последние дни движение стало куда оживлённее обычного.

— Военные всё скупают, — пожаловался он, поправляя шляпу. — В Келльбруке теперь ни зерна спокойно продать, ни лошадь поставить. Везде солдаты да приказчики.

— А цены хорошие? — спросил я, сразу заинтересовавшись.

— Кому как. Кто успел первым, тот доволен. А кто приехал поздно, тому приходится брать, что осталось.

Он пожелал нам удачи и поехал дальше. Я проводил его взглядом, чувствуя лёгкое беспокойство. Отец говорил, что купец обещал хорошую цену, но если в городе действительно собралось много продавцов, условия могли измениться. Я достал из сумки письмо Йоста Альбрехта, ещё раз перечитал нужную строку и убедился, что всё записано правильно.

Конни заметил мои действия и усмехнулся.

— Ты его уже третий раз читаешь, Матти.

— И что?

— Ничего. Просто если будешь так часто доставать письмо, оно до города не доживёт.

Я спрятал лист обратно и велел ему лучше следить за дорогой. Конни послушно повернулся вперёд, но по выражению его лица было видно, что он с трудом удерживается от новой шутки.

За следующим поворотом дорога уже выдавала близость большого города. Дорога стала шире, по обочинам появились каменные канавы для дождевой воды, а между деревьями всё чаще мелькали крыши домов и хозяйственных построек. Мы миновали несколько складов, окружённых высокими заборами, затем проехали мимо большого постоянного двора, возле которого стояло столько телег, что часть возниц расположилась прямо у дороги. Оттуда доносились крики, ржание лошадей и звон кузнечного молота.

Келльбрук лежал у широкой реки, там, где сходились две торговые дороги. Город был значительно больше Липовиц, и хотя я бывал здесь прежде, каждый приезд всё равно производил на меня впечатление. За невысокой каменной стеной поднимались крыши домов, башня ратуши и несколько церковных колоколен. Над рекой виднелись мачты барж, а возле пристани стояли высокие деревянные краны, с помощью которых поднимали тяжёлые грузы.

У ворот образовалась небольшая очередь. Городские стражники проверяли телеги, расспрашивали возниц о товарах и собирали положенные пошлины. Я остановил лошадей и приготовил бумаги, стараясь выглядеть так, словно подобные дела были для меня совершенно привычными.

— Что везёте? — спросил стражник, когда подошла наша очередь.

— Пшеничную муку, — ответил я. — Для Йоста Альбрехта. Вот письмо и список груза.

Он взял бумаги, бегло просмотрел и спросил, кто из нас старший. Я уже открыл рот, но Конни успел указать на меня.

— Мастер Матиас Бреннер, — объявил он с такой важностью, что мне захотелось толкнуть его локтем.

Стражник посмотрел на меня, затем на Конни и усмехнулся.

— Мастер, значит? Молодой какой-то мастер.

— Я от имени отца, — пояснил я, чувствуя, как лицо начинает теплеть. — Он повредил ногу и не смог приехать.

Стражник ещё раз взглянул на бумаги, после чего вернул их и велел проезжать. Никаких дополнительных вопросов он не задал, но я всё равно испытал облегчение, когда ворота остались позади.

Внутри города было шумно и тесно. По мощёным улицам двигались телеги, всадники и пешеходы, торговцы выкрикивали названия товаров, а из открытых дверей мастерских доносились удары молотов, скрип пил и запахи кожи, горячего железа и свежей выпечки. На некоторых домах висели ярко раскрашенные вывески, возле лавок стояли деревянные прилавки, а на углах улиц мальчишки предлагали помочь с разгрузкой или показать дорогу за несколько медных монет.

Конни вертел головой во все стороны, стараясь ничего не пропустить. Он несколько раз пытался указать мне на особенно интересные вывески или необычно одетых прохожих, но я был занят тем, чтобы провести телегу по узкой улице, не задев колёсами чужие товары и не напугав лошадей. В одном месте нам пришлось остановиться почти на четверть часа, пока рабочие разгружали большую повозку с камнем. Конни предложил объехать её через соседний переулок, однако я предпочёл подождать: дорогу к складам Альбрехта я знал, а вот куда приведёт переулок, понятия не имел.

Наконец мы добрались до купеческого двора. Он находился недалеко от пристани, за высоким деревянным забором с широкими воротами. Над входом висела вывеска с изображением весов и связки колосьев, а внутри располагались

несколько больших складов, конюшня, навесы для телег и двухэтажный дом, где размещались контора и комнаты для приезжих.

Я остановил лошадей возле ворот и спрыгнул на землю. Ноги после долгой дороги немного затекли, и первые шаги дались не так легко, как хотелось бы. Конни тоже слез, потянулся и с удовольствием огляделся.

— Вот это хозяйство, — сказал он, рассматривая склады. — У твоего отца мельница большая, но тут, пожалуй, ещё больше.

— Это купеческий двор, — ответил я. — Здесь не только муку хранят.

— Я вижу. И всё равно неплохо бы иметь такой.

Я оставил его возле лошадей и отправился искать приказчика.

Приказчика звали Бернارد Шульц. Это был плотный мужчина средних лет с короткой седой бородой и привычкой постоянно поправлять широкий кожаный пояс, на котором висели ключи от складов. Я видел его раньше, когда приезжал с отцом, но тогда мы почти не разговаривали. Теперь же мне пришлось самостоятельно объяснить, кто я такой, какую партию муки привёз и почему мастер Генрих не приехал сам.

Бернارد внимательно выслушал меня, просмотрел письмо и список груза, затем велел подвести телегу к дальнему складу.

— Филипп предупредил, что вы приедете, — сказал он,

возвращая бумаги. — Хорошо, что успели до вечера. Завтра с утра здесь будет не протолкнуться.

— Муку сегодня примете? — спросил я.

— Если вес сойдётся и качество устроит, почему нет? Люди свободные есть, разгрузим.

Я поблагодарил его и поспешил обратно к Конни. Мы подвели телегу к складу, где уже стояли большие весы и несколько рабочих с тележками для мешков. Бернارد распорядился начать разгрузку, а сам остался рядом, сверяя записи с моим списком.

Первый мешок положили на весы. Я внимательно следил за гирями и показаниями, стараясь не упустить ни одной подробности. Вес оказался немного меньше записанного у нас на мельнице, но разница была небольшой и вполне объяснялась погрешностью измерений. Бернارد предложил считать по городскому весу, и я согласился после того, как он показал мне клеймо на гирях.

Следующие мешки взвешивали один за другим. Рабочие переносили их в склад, где укладывали на деревянные поддоны, чтобы мука не тянула сырость от пола. Я отмечал каждый мешок в своей книге, сверял цифры с записями Бернарда и время от времени проверял, не ослабли ли завязки. Конни помогал разгружать и почти сразу нашёл общий язык с рабочими, успевая одновременно таскать мешки, шутить и расспрашивать о том, что происходит на пристани.

Когда разгрузили половину партии, Бернارد велел

вскрыть мешок. Я знал, что мука хорошая, но всё равно задержал дыхание. Приказчик зачерпнул горсть, растёр между пальцами, понюхал и попробовал на вкус. Затем попросил деревянную чашу, смешал в ней немного муки с водой и принялся проверять, как ведёт себя тесто.

Я стоял рядом, стараясь не показывать волнения. Отец много раз объяснял мне, как проверяют муку, но теперь от результата зависела не только цена, но и моя первая самостоятельная сделка.

— Хорошая, — признал Бернард после короткого осмотра. — Сухая, чистая. Мастер Генрих по-прежнему умеет работать.

Мне стало приятно, словно похвалили не только отца, но и меня.

— Мы тщательно следим за помолом, — ответил я, стараясь говорить спокойно. — Отец не любит, когда покупатели возвращаются с жалобами.

— И правильно делает, — согласился приказчик. — Ладно, продолжайте.

К концу разгрузки я уже почти перестал волноваться. Вес сходилась достаточно точно, мешки были в хорошем состоянии, а Бернард не пытался придраться к качеству. Когда последний мешок перенесли на склад, он закрыл книгу и предложил пройти в контору для расчёта.

Я попросил Конни присмотреть за телегой и отправился следом.

В конторе было прохладнее, чем во дворе. Толстые стены не пропускали дневную жару, а небольшие окна выходили в тенистый переулок. На полках стояли книги учёта, связки бумаг и деревянные коробки с печатями. За большим столом сидел сам Йост Альбрехт, широколицый мужчина лет сорока пяти с аккуратно подстриженной бородой и внимательными серыми глазами. Он поднял голову, когда мы вошли, и сразу узнал меня.

— А, молодой Бреннер! — приветствовал он, откладывая перо. — Филипп говорил, что отец прислал тебя вместо себя. Как Генрих?

Я рассказал о несчастном случае, стараясь не преувеличивать серьёзность травмы. Йост выслушал с сочувствием, заметил, что мельничное дело редко обходится без подобных неприятностей, и велел передать отцу пожелания скорейшего выздоровления.

— Ну что, Бернард, как мука? — спросил он затем.

— Хорошая, хозяин. Вес немного отличается от мельничного, но в пределах обычного. Качество без замечаний.

Йост кивнул и попросил показать итоговые записи. Мы втроём сверили количество мешков, общий вес и цену, указанную в письме. Я внимательно следил за расчётами, хотя некоторые суммы Бернард считал быстрее меня. Один раз мне показалось, что он ошибся, и я попросил проверить цифру ещё раз. Приказчик нахмурился, но Йост только усмехнулся и велел пересчитать.

Оказалось, что ошибся я: в одной строке не учёл небольшой вычет за разницу в весе. Мне стало неловко, но купец не стал делать замечаний.

— Правильно, что проверяешь, — сказал он. — Деньги счёт любят. Только не забывай, что и другой человек может считать верно.

Я вспомнил утренний спор на мельнице и отцовские слова. Похоже, взрослые сговорились напоминать мне об одном и том же.

Когда расчёт закончился, Йост достал из ящика стола кожаный мешочек с монетами и выложил его передо мной. Сумма оказалась даже немного выше той, на которую мы рассчитывали дома, потому что армейские снабженцы действительно платили хорошую цену за срочные поставки. Я пересчитал монеты вместе с Бернардом, сверил итог с распиской и поставил свою подпись рядом с именем отца.

Рука у меня слегка дрожала, когда я выводил буквы. Не от страха, скорее от непривычного чувства ответственности. Ещё вчера я сидел дома и просил разрешения поехать в город, а теперь передо мной лежали деньги за большую партию муки, которую я самостоятельно доставил и продал.

— Хорошо справился, Матиас, — сказал Йост, когда я закончил. — Передай Генриху, что мука принята без замечаний. И если он захочет продать ещё одну партию, пусть пишет заранее. Военные, похоже, задержатся с закупками ненадолго, но пока спрос есть.

Я поблагодарил его и вспомнил отцовское наставление.

— Можно оставить деньги у вас на хранение до отъезда?

— спросил я. — Отец велел не носить такую сумму по городу.

Йост одобрительно кивнул.

— Разумно. Бернард, оформи приём денег и выдай молодому Бреннеру расписку.

Приказчик достал чистый лист, записал сумму и поставил печать купеческого дома. Я внимательно прочитал документ, затем убрал его вместе с письмом в кожаную сумку. Деньги остались у Йоста, и мне сразу стало спокойнее: теперь не нужно было постоянно думать, не потеряю ли я мешочек и не привлечёт ли он чьего-нибудь внимания.

— А лошадей и телегу где можно оставить? — спросил я.

— Во дворе, конечно, — ответил купец. — Места хватает. Если останетесь на ночь, скажите Бернарду, он устроит вас в комнате для возниц. Только ужин придётся оплачивать отдельно, мы здесь не постоялый двор.

Я заверил его, что мы ещё решим, когда отправляться обратно, и поблагодарил за помощь. Йост пожелал хорошего отдыха и вернулся к бумагам, а я вышел во двор, чувствуя себя необыкновенно довольным.

Конни ждал возле телеги. Он успел помочь рабочим убрать пустые верёвки, напоить лошадей и, судя по всему, узнать половину новостей, которыми жил купеческий двор.

— Ну что? — спросил он, едва увидев меня. — Продал?

— Продал, — ответил я, не скрывая улыбки. — Всё приняли. И цену дали хорошую.

Конни широко улыбнулся и хлопнул меня по плечу так сильно, что я едва не выронил сумку.

— Вот видишь! А ты всю дорогу переживал. Теперь твой отец точно признает, что ты взрослый.

— Не знаю, — сказал я, хотя очень надеялся, что друг прав. — Но сделка прошла хорошо.

Мы отвели лошадей в конюшню, где за небольшую плату им обещали корм и место до следующего утра. Телегу поставили под навес, рядом с несколькими другими повозками, а запасные вещи оставили в запираемом помещении для приезжих возниц. Я ещё раз проверил, что расписка лежит в сумке, и только после этого позволил себе немного расслабиться.

Дело было сделано.

Когда мы вышли с купеческого двора, солнце уже клонилось к крышам домов, но на улицах по-прежнему былолюдно. Возле пристани продолжалась разгрузка барж, рабочие перекатывали бочки, переносили тюки и громко перекликались друг с другом. На одной из площадок стояли солдаты в одинаковых тёмно-зелёных куртках, следившие за погрузкой длинных деревянных ящиков. Рядом с ними суетились писари и приказчики, сверявшие какие-то списки.

Я остановился посмотреть. Солдаты выглядели не так, как я представлял себе воинов по рассказам деревенских ста-

риков. На них не было блестящих доспехов или нарядных плащей, только простая дорожная одежда, крепкие сапоги и короткие мечи на поясах. Некоторые помогали рабочим переносить груз, другие стояли у барж, проверяя документы. Один молодой солдат, едва ли намного старше меня, сидел на перевёрнутом ящике и с сосредоточенным видом чинил ремень своего снаряжения.

— Смотри, — сказал Конни, проследив за моим взглядом. — Вот тебе и армейская жизнь. Ящики таскают, совсем как мы.

— Только им за это платят, — заметил я.

— Нам тоже сегодня заплатили.

— Не нам, а отцу, — поправил я.

Конни рассмеялся и признал, что разница существенная. Мы ещё немного постояли у пристани, наблюдая за работой, затем направились к рынку. Я вспомнил об обещанной Анне ленте и решил, что сейчас самое время её купить.

Рынок располагался на большой площади возле ратуши. Днём здесь, должно быть, было не протолкнуться, но к вечеру многие торговцы уже собирали товары и закрывали лавки. Возле одного прилавка продавали ткани, нитки, пуговицы и разноцветные ленты, развешанные на деревянных перекладинах. Я остановился, разглядывая их, и попытался вспомнить, какой именно оттенок просила Анна.

Синих лент оказалось несколько. Одна была тёмной, почти чёрной, другая — яркой, как летнее небо, третья отли-

вала серым и казалась слишком простой. Я долго смотрел на них, пытаясь представить, какая лучше подойдёт к светлому платью, но чем больше разглядывал, тем меньше понимал.

— Ты чего завис? — спросил Конни, остановившись рядом.

— Анне ленту обещал купить, — признался я. — Только не помню, какую именно она хотела.

Конни посмотрел на прилавок, затем на меня и покачал головой.

— Вот это задача. Муку ты продал, с купцом договорился, а с лентой справиться не можешь.

— Очень смешно.

— Я бы взял самую синюю, — посоветовал он. — Тогда точно не ошибёшься.

Я уже собирался спросить цену у торговки, но в этот момент она принялась сворачивать ткани и объявила, что лавка закрывается. Я попросил подождать немного, однако женщина ответила, что весь день простояла на ногах и больше торговать не собирается. Завтра утром, сказала она, можно будет выбрать что угодно, а сейчас ей пора домой.

Я с досадой посмотрел на ленты. Покупать наспех первую попавшуюся не хотелось, тем более что Анна так подробно объясняла, какая именно ей нужна.

— Завтра купишь, — заметил Конни. — Мы ведь всё равно остаёмся на ночь.

— Если останемся.

— А куда нам теперь спешить? — спросил он. — До дома ещё несколько часов дороги. Пока выедем, стемнеет. Твоя мать сама велела ночью не ехать.

Он был прав. Я посмотрел на небо, где солнце уже почти коснулось крыш, и понял, что возвращаться сегодня действительно неразумно. Лошади устали после дороги, а мы сами с утра почти не отдыхали. Лучше переночевать на купеческом дворе, утром купить ленту и спокойно отправиться домой.

— Ладно, — согласился я. — Завтра зайдём сюда пораньше.

Конни довольно кивнул и предложил сначала поужинать. Мы прошли ещё немного по рынку, купили горячие пироги с мясом и устроились на низкой каменной оgrade возле площади. Еда показалась необыкновенно вкусной после долгого дня. Я ел, наблюдая за прохожими, и чувствовал приятную усталость, которая приходит после хорошо выполненной работы.

Конни тем временем рассказывал, что узнал на купеческом дворе. Оказалось, военные действительно закупали большие партии продовольствия для нескольких гарнизонов, а часть грузов собирались отправить вверх по реке. Он слышал разговоры о новых наборах добровольцев, о жалованье и о том, что некоторые солдаты получают деньги вперёд при заключении долгого контракта. Меня эти новости заинтересовали лишь постольку, поскольку объясняли, почему за

нашу муку дали хорошую цену.

— Представляешь, — сказал Конни, доедая пирог, — один парень уверял, что ему обещали сразу несколько месяцев жалованья, если он запишется.

— А потом сколько служить? — спросил я.

— Не знаю. Наверное, долго.

— Вот именно. Лучше я на мельнице заработаю.

Конни пожал плечами и согласился, что мельница — дело надёжное, хотя и не такое интересное, как путешествия по чужим землям. Я ответил, что интересного в армии, наверное, меньше, чем он думает, и разговор сам собой перешёл к другим темам.

Когда мы закончили ужин, Конни поднялся, потянулся и посмотрел в сторону широкой улицы, где уже зажигали фонари.

— Слушай, Матти, — сказал он после небольшой паузы.

— А давай отметим.

— Что отметим?

— Как что? Первую твою самостоятельную торговлю. Ты ведь сегодня целую партию муки продал, деньги получил, с купцом договорился. Разве такое каждый день бывает?

Я улыбнулся, чувствуя, что его слова мне приятны. Действительно, день получился удачным. Отец доверил мне важное поручение, я справился, да ещё и выручил больше, чем мы ожидали. Было бы неплохо хоть немного отпраздновать, прежде чем возвращаться к обычной работе.

— И как ты предлагаешь отмечать? — спросил я.

Конни оглянулся по сторонам, затем указал на улицу, где среди других вывесок висел деревянный щит с изображением золотого петуха.

— В трактире, конечно. Посидим немного, выпьем по кружке, посмотрим на городских. Мы же не маленькие.

Я вспомнил отцовские наставления и слова мастера Отто, который особенно настойчиво запрещал сыну шататься по трактирам. Но мы ведь не собирались напиваться или устраивать драку. Просто зайдём ненадолго, посидим среди людей, послушаем разговоры и вернёмся на купеческий двор. К тому же основные деньги лежали у Йоста Альбрехта, а при себе у меня оставалось лишь немного собственных монет.

— Только ненадолго, — предупредил я. — Завтра рано вставать.

— Разумеется, — с готовностью согласился Конни. — Одну кружку, и спать.

Я рассмеялся, и мы направились к трактиру, поднявшись с ограды.

Улица постепенно погружалась в вечерние сумерки. Из открытых окон доносились голоса, где-то играла музыка, а возле дверей постоянных дворов собирались возницы и торговцы, закончившие дневные дела. Келльбрук казался мне шумным, интересным и немного праздничным, особенно теперь, когда не нужно было думать о продаже муки и расчётах.

Я шёл рядом с Конни, чувствуя себя довольным и почти взрослым. Завтра мы вернёмся домой, я передам отцу расписку и деньги, расскажу, как прошла торговля, а Анне подарю синюю ленту. Мне хотелось верить, что после этой поездки отец начнёт чаще доверять мне серьёзные дела, а может быть, даже позволит самостоятельно вести часть торговли.

Впереди, над входом в трактир, покачивалась на ветру вывеска с золотым петухом. Конни первым поднялся на крыльцо и взялся за тяжёлую дверь.

— Ну что, мастер Бреннер? — спросил он с широкой улыбкой. — За удачную торговлю?

— За удачную торговлю, — ответил я.

Конни распахнул дверь. Изнутри вырвались шум голосов, запах жареного мяса и тёплый воздух. Я на мгновение задержался на пороге.

Ещё утром я думал только о муке, расписке и том, как обрадую отца. Теперь работа была сделана, и впереди нас ждал целый вечер в незнакомом городе.

Я шагнул вслед за Конни.

Глава пятая. Двадцать лет

В трактире было жарко. После вечерней прохлады улицы воздух показался мне тяжёлым, почти неподвижным, пропитанным запахами пива, жареного лука, мокрой шерсти и дыма. Под потолком темнели балки, с которых свисали связки сушёных трав, а вдоль стен тянулись длинные столы, отполированные локтями и кружками до тусклого блеска. У стойки толпились возницы, несколько мастеровых в кожаных фартуках спорили о чём-то возле очага, а из дальнего угла доносились смех и частый стук костей по деревянной доске.

Конни уверенно направился к хозяину, словно бывал здесь каждую неделю. Я последовал за ним, стараясь не задевать плечами сидевших у прохода людей. В наших деревенских трактирах обычно находилось не больше двух-трёх столов, и даже по праздникам я знал почти каждого посетителя. Здесь же никто не обращал на нас внимания. Люди разговаривали, ели, пили, ссорились и мирились, а мы могли затеряться среди них так же легко, как среди покупателей на городском рынке.

— Две кружки светлого, — объявил Конни, положив на стойку несколько медных монет.

Хозяин, грузный мужчина с красным лицом и закатанными до локтей рукавами, окинул нас быстрым взглядом.

— Вы откуда такие молодые?

— Из Липовиц, — ответил Конни. — Муку привезли Альбрехту. Сегодня удачно продали.

— Значит, деньги есть, — заметил хозяин, пододвигая кружки.

— Не настолько, чтобы угощать весь трактир, — сказал я.

Хозяин хмыкнул, сгреб монеты и отвернулся к другому посетителю. Мы нашли свободное место за длинным столом возле стены. Конни поставил передо мной кружку, уселся напротив и с удовольствием оглядел зал.

— Вот теперь можно считать, что мы побывали в Келльбруке, — объявил он. — А то приехали бы, разгрузили муку и сразу домой. Даже рассказать нечего.

Я попробовал пиво. Оно оказалось холоднее, чем я ожидал, с приятной горечью, хотя после нескольких глотков во рту остался непривычный дрожжевой привкус. Дома отец иногда позволял мне выпить немного разбавленного пива за ужином, но целую кружку я получал редко. Конни, судя по тому, как быстро он принялся пить, тоже не слишком часто сидел за трактирным столом на собственные деньги.

Поначалу мы просто разговаривали. Вспоминали дорогу, подсчитывали, сколько отец выручил сверх первоначальной цены, и спорили, что я должен буду рассказать дома в первую очередь. Конни советовал начать с того, как меня называли мастером у городских ворот, и уверял, что Грета непременно станет величать меня господином купцом до конца осени. Я предложил ему сперва придумать, как объяснить мастеру

Отто, почему он вернулся с дороги с пустым кошельком, и он признал, что это обстоятельство несколько портит праздник.

Потом к нам подсел незнакомый мужчина.

Он был не старым, но заметно старше нас, лет тридцати, с широким загорелым лицом и аккуратно подстриженной рыжеватой бородой. На нём была добротная куртка из тёмной ткани, слегка потёртая на локтях, а на поясе висел небольшой нож в простых ножнах. Мужчина поставил на стол кружку, спросил, не занято ли место, и, получив разрешение, уселся рядом с Конни.

— Слышал, вы сегодня Альбрехту муку продали, — сказал он после нескольких минут молчания. — Хорошее дело. Старик Йост просто так деньги не раздаёт.

Я удивился, что незнакомец знает о нашей торговле, но потом вспомнил, сколько людей работало на купеческом дворе и как охотно Конни со всеми разговаривал.

— Он заплатил по договору, — ответил я.

— Тем более хорошо. Договориться с купцом — одно, получить с него деньги — другое.

Мужчина улыбнулся и представился Петером. Фамилии он не назвал, а я не стал спрашивать. Он рассказал, что занимается перевозками, иногда сопровождает грузы по реке, а иногда ездит с обозами в соседние города. По его словам, Келльбрук за последние дни наполнился военными снабженцами, и потому работа находилась почти для каждого, у кого имелись крепкие руки и хоть немного смекалки.

— Только и цены выросли, — заметил он, покачивая кружкой. — На пристани теперь за простой телеги столько берут, будто она из серебра сделана.

Конни немедленно принялся рассказывать, как мы разгружали муку и сколько времени пришлось ждать у городских ворот. Петер слушал внимательно, иногда задавал вопросы, а затем похвалил нас за то, что не побоялись отправиться в город без старших.

Мне было приятно это слышать. После целого дня, проведённого за работой и расчётами, хотелось, чтобы кто-нибудь признал: мы действительно справились с серьёзным поручением. Поэтому я не стал возражать, когда Петер предложил заказать ещё по кружке за его счёт.

— За удачную торговлю, — сказал он, поднимая свою.

Мы чокнулись, и я сделал большой глоток.

К нашему столу подошёл второй мужчина. Он был выше Петера, худощавый, с длинным лицом и светлыми усами. На правой руке у него недоставало кончика мизинца, что я заметил, когда он взял кружку. Петер приветствовал его как старого знакомого и подвинулся, освобождая место.

— Это Ганс, — объяснил он нам. — Человек, который однажды умудрился проиграть собственные сапоги, а потом выиграть их обратно вместе с сапогами того, кто их у него забрал.

Ганс рассмеялся и махнул рукой.

— Не слушайте его. Он любит рассказывать половину ис-

тории, а вторую придумывает по дороге.

Они принялись вспоминать какую-то поездку в верховья реки, где их обоз будто бы застрял на три дня из-за обрушившегося моста. Я слушал с интересом. Они говорили о местах, которых я никогда не видел, о больших городах, дорогах через горы, речных пошлинах и людях, умевших за один вечер проиграть больше денег, чем наша мельница приносила за месяц.

Конни тоже увлёкся. Он расспрашивал их о плотницкой работе в других городах, и Ганс уверял, что хороших мастеров охотно нанимают везде, особенно там, где строят новые укрепления и склады. Петер добавил, что армейские подрядчики платят неплохо, хотя и требуют закончить работу в срок. Мне показалось, что эти двое знают едва ли не всех купцов и возниц на реке, и я даже подумал, что отец, наверное, нашёл бы с ними общий язык.

Кружки между тем пустели и снова наполнялись. Я не сразу заметил, что Петер заказывает пиво чаще, чем мы собирались. Всякий раз, когда я отказывался, он отмахивался, говорил, что за хорошие дела нужно пить, пока они ещё свежи в памяти, и ставил передо мной новую кружку. Конни несколько раз смеялся, что я скоро начну говорить как настоящий городской купец, но сам пил заметно медленнее.

Поначалу мне было весело. Шум трактира перестал казаться оглушительным, разговоры за соседними столами сливались в приятный гул, а шутки Петера и Ганса смешили

сильнее, чем следовало. Я рассказывал о мельнице, о том, как отец учил меня вести счета, и даже вспомнил утренний спор с крестьянином. Петер слушал, широко улыбаясь, и время от времени повторял, что из меня выйдет толковый хозяин.

Я говорил всё громче, слова путались, а Конни раз за разом просил меня понизить голос. Он уже не смеялся над моими шутками и то и дело поглядывал на дверь.

— Матти, хватит тебе, — сказал он, когда Петер снова подозвал трактирного слугу. — Нам завтра рано вставать.

— Да я почти ничего не выпил, — возразил я, хотя язык уже слушался меня хуже обычного.

— Вот именно, — ответил Конни. — Идём.

Он поднялся и взял меня за плечо, но Петер тут же рассмеялся.

— Куда же вы так рано? Парень впервые удачно поторговал, а ты его домой тащишь, словно жена сердитого сапожника.

— Мы договорились ненадолго, — упрямо сказал Конни.

— Ещё немного посидим, — попросил я. — Завтра всё равно никуда не спешим.

Конни нахмурился и хотел что-то сказать, но я не дал ему вставить слово. Чего он сердится? Вечер ведь складывался замечательно: новые знакомые веселились, а до утреннего отъезда оставалась целая ночь.

Ганс тем временем достал из кармана небольшой кожаный

стаканчик и высыпал на стол несколько игральных костей.

— Раз уж сидим, можно немного развлечься, — предложил он. — По медяку за бросок, не больше.

Я никогда особенно не любил азартные игры. В деревне парни иногда играли в кости на праздниках, но обычно ставили орехи, пуговицы или мелкие монеты. Отец не одобрял подобные развлечения и говорил, что человек, который надеется разбогатеть броском костей, рано или поздно останется без штанов. Я вспомнил его слова и хотел отказаться, но Петер уже пододвинул ко мне несколько медяков.

— Попробуй. Сегодня твой день, может, удача и здесь не отвернётся.

— У меня свои есть, — ответил я и полез за кошельком.

Конни резко положил ладонь на стол.

— Матти, не надо.

Я посмотрел на него с раздражением.

— Да это всего один медяк.

— Один, потом второй. Ты уже плохо соображаешь.

Последние слова особенно задели меня. Мне показалось, что он нарочно выставляет меня маленьким перед взрослыми мужчинами, которые весь вечер относились ко мне как к равному. Я оттолкнул его руку и положил монету на стол.

— Я сам решу, — сказал я, стараясь произнести слова как можно отчётливее.

Конни откинулся на спинку скамьи. Он выглядел сердитым и одновременно встревоженным, но я предпочёл не за-

мечать этого.

Первый бросок оказался удачным. Ганс присвистнул, Петер хлопнул меня по плечу, а передо мной легли ещё несколько монет. Я рассмеялся и предложил сыграть снова. Во второй раз я тоже выиграл, хотя уже с трудом понимал, какие именно числа считаются хорошими. Петер объяснял правила, Ганс кивал, а я следил за костями, которые то и дело расплывались перед глазами.

Потом мне принесли ещё выпить.

Я помню, как Конни снова наклонился ко мне и сказал, что пора уходить. Помню его руку на моём плече и раздражение, с которым я пытался от неё избавиться. Потом он что-то спросил у Петера, тот ответил слишком быстро, и они начали спорить. Слова доносились словно издалека, хотя оба сидели рядом.

— Я сейчас вернусь, Матти, — сказал Конни, когда я наконец повернулся к нему. — Слышишь? Никуда не уходи.

— Куда ты? — спросил я.

— За помощью.

Я рассмеялся: неужели меня нужно выводить из трактира за руку? Я и сам прекрасно дошёл бы. Конни уже протискивался к выходу. У двери он обернулся, и я помахал ему, показывая, что всё в порядке.

Потом Петер предложил ещё один бросок.

Я помню кости на тёмном дереве. Помню, как Ганс что-то быстро говорил, показывая пальцем на монеты. Помню своё

собственное громкое возражение и то, как Петер наклонился ко мне, успокаивающе положив ладонь на плечо.

Дальше воспоминания обрываются.

Я проснулся от холода.

Сначала мне показалось, что я лежу на мокрой земле возле мельницы. Где-то капала вода, над головой серело небо, а тело ныло так, словно я целый день таскал самые тяжёлые мешки. Я попытался повернуться на бок и тут же почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Голова раскалывалась от боли, во рту было сухо, язык казался распухшим и чужим.

Я лежал на деревянной скамье во дворе, окружённом высокими стенами. Возле одной из них стояли пустые бочки, у другой валялись сломанные ящики и куча соломы. Над дверью, ведущей в большое помещение, висела знакомая вывеска с золотым петухом.

Только тогда я понял, где нахожусь.

Я сел, опираясь руками о скамью, и дождался, пока перестанет кружиться голова. Одежда была грязной, на рукаве виднелось большое тёмное пятно, а волосы слиплись от пота. Я попытался вспомнить, как оказался во дворе, но ничего не вышло. Последним ясным воспоминанием оставались кости, стучавшие по столу, и лицо Конни, который говорил, что скоро вернётся.

При мысли о друге я резко поднял голову. Его нигде не было.

Я оглядел двор, затем осторожно встал. Ноги дрожали, и

мне пришлось ухватиться за край скамьи, чтобы не упасть. В животе неприятно перевернулось, я едва успел добраться до сточной канавы у стены и долго стоял там, согнувшись, пока приступ тошноты не прошёл.

Когда я наконец выпрямился, из дверей трактира вышел слуга с ведром. Увидев меня, он остановился и недовольно поморщился.

— Очнулся? — спросил он. — Ну и хорошо. А то я уж думал, придётся тебя водой обливать.

— Где мой друг? — прохрипел я.

— Какой друг?

— Конни. Был со мной вчера. Тёмные волосы, ростом немного ниже меня.

Слуга пожал плечами.

— Не знаю. Ушёл кто-то из ваших ещё вечером. А тебя потом сюда вынесли, чтобы под ногами не валялся.

— Кто вынес?

— Да те, с кем сидел. Спроси у них.

Он кивнул в сторону дверей и ушёл, не дожидаясь новых вопросов. Я остался стоять посреди двора, пытаюсь понять, что произошло. Конни ушёл? Но он ведь обещал вернуться. Может, решил, что я сам доберусь до купеческого двора? Или рассердился и отправился домой один?

Последняя мысль показалась мне особенно неприятной. Я вспомнил наш разговор у моста, когда Конни увёл меня от пьяных парней, и то, как я тогда обвинил его в трусо-

сти. Неужели он и сейчас просто испугался неприятностей и оставил меня одного?

Я не хотел в это верить. Мы дружили столько лет, что я мог бы пересчитать по пальцам дни, когда не видел его. Конни иногда поступал глупо, много болтал и любил дразнить меня, но прежде никогда не бросал в беде. Правда, сейчас я ещё не понимал, насколько серьёзной была моя беда.

Я вошёл в трактир.

Внутри было почти пусто. Дневной свет проникал через открытые ставни, освещая столы, на которых ещё оставались пятна от вчерашнего пива. Несколько слуг подметали пол и собирали посуду. Возле дальнего окна сидели Петер и Ганс. Перед ними стояли кружки, но оба выглядели трезвыми и бодрыми, словно вчерашний вечер не оставил на них ни малейшего следа.

Увидев меня, Петер поднялся.

— Вот и наш счастливчик, — сказал он, но улыбка на его лице вышла какой-то натянутой. — Как голова?

Я остановился возле стола.

— Плохо. Где Конни?

Ганс коротко усмехнулся.

— Твой приятель? Удрал вчера, как только дело запахло жареным.

— В каком смысле?

Петер бросил на него быстрый взгляд и жестом предложил мне сесть.

— Присядь, парень. Разговор у нас неприятный.

Я неохотно опустил на скамью. Голова болела так сильно, что мне хотелось закрыть глаза и больше ничего не слышать. Петер пододвинул ко мне кружку воды, и я выпил почти половину одним глотком.

— Что случилось? — спросил я.

Ганс положил на стол кожаный стаканчик с костями.

— Случилось то, что ты вчера проиграл больше, чем можешь заплатить.

Я смотрел на него, не понимая.

— Сколько?

Он назвал сумму.

Несколько мгновений я молчал, пытаюсь сообразить, не ослышался ли. Названных денег хватило бы на покупку хорошей упряжи, ремонт части мельничного оборудования и ещё осталось бы на несколько месяцев работы. У меня никогда не было таких денег, даже близко.

— Это невозможно, — сказал я наконец. — Я ставил по медяку.

— Сначала, — ответил Ганс. — А потом ставки выросли. Ты сам предложил.

— Я не мог.

— Мог, — резко сказал он. — И предложил. Свидетели есть.

Я перевёл взгляд на Петера, надеясь, что тот рассмеётся и объяснит, что всё это неудачная шутка. Но Петер только

тяжело вздохнул и покачал головой.

— Я пытался тебя остановить, Матти. Ты был пьян, спорил, кричал, что сегодня удача на твоей стороне. Ганс не хотел продолжать, но ты настоял.

Я попытался вспомнить хоть что-нибудь после последних бросков, однако перед глазами возникали лишь обрывки: чья-то рука, кости на столе, громкий смех. Ни одной ясной картины.

— Но у меня нет таких денег, — произнёс я, чувствуя, как начинает дрожать голос.

Ганс наклонился вперёд.

— Значит, придётся искать. У твоего отца мельница, верно? Дом, земля, лошади. Не бедные люди.

При упоминании семьи мне стало холодно, хотя в трактире было тепло.

— Это не мои деньги, — ответил я. — И мельница не моя.

— Пока не твоя, — заметил Ганс. — Но отец за сына отвечает. Особенно когда сын влезает в долги.

Я не знал, правда ли это. Отец много рассказывал о торговых договорах, залогах и долговых расписках, но я никогда не слышал, чтобы проигрыш в кости мог перейти на семью без её согласия. Однако Ганс говорил с такой уверенностью, что мне стало страшно спорить.

— Я ничего не подписывал, — сказал я, ухватившись за единственную мысль, которая казалась мне надёжной.

Ганс достал из-за пазухи сложенный лист бумаги и развер-

нул его передо мной. На листе были записаны какие-то суммы, несколько имён и неровная подпись, похожая на мою. Я наклонился ближе, пытаясь разобрать буквы. Подпись действительно напоминала ту, которой я пользовался в книгах учёта, но отдельные линии были кривыми, словно рука не слушалась.

— Вот твоя подпись, — сказал Ганс. — И свидетели есть.

Я долго смотрел на бумагу. Не мог вспомнить, как писал своё имя, и от этого становилось ещё страшнее. Мне хотелось потребовать объяснений, позвать городского писаря, найти Конни или хотя бы добраться до Йоста Альбрехта. Но стоило представить, как купец узнает, что сын Генриха Бреннера напился в трактире и проиграл целое состояние, как лицо начинало гореть от стыда.

Петер, словно угадав мои мысли, наклонился ближе.

— Послушай, Матти. Я понимаю, что ты молодой и вчера немного перебрал. Никто не хочет губить тебе жизнь из-за одной глупости. Давай подумаем, как всё уладить.

Ганс недовольно фыркнул.

— Улаживать он будет за свой счёт? Мне деньги нужны.

— Дай человеку прийти в себя, — спокойно ответил Петер. — Не видишь, что ли, в каком он состоянии?

Я благодарно посмотрел на него. На фоне сердитого Ганса он казался единственным человеком, готовым мне помочь.

— Что мне делать? — спросил я.

Петер помолчал, словно обдумывая трудную задачу.

— Есть один способ, — сказал он наконец. — Не лучший, конечно, но другого я сейчас не вижу.

Ганс отвернулся к окну, а Петер продолжил:

— В городе набирают добровольцев. За долгий контракт дают аванс — сразу несколько месяцев жалованья. Сумма приличная. Если записаться сегодня, можно получить деньги до вечера.

Я уставился на него.

— В армию?

— Да. Ты парень крепкий, здоровый, грамотный. Такие там нужны. Сначала, может, определяют в обоз или на склады, а потом, если захочешь, переведут куда-нибудь ещё.

— Но я не хочу в армию.

Петер сочувственно развёл руками.

— Понимаю. Только долг сам себя не заплатит.

Ганс снова повернулся к нам.

— Мне всё равно, где он возьмёт деньги. Пусть хоть мельницу продаёт. Но сегодня я хочу получить своё.

— Успокойся, — сказал Петер, затем снова обратился ко мне. — Если получишь аванс, я поговорю с Гансом. Он согласится взять эти деньги и забыть об остальном. Правда, Ганс?

Тот помолчал и нехотя кивнул.

— Если всё сегодня. И чтобы больше я его не видел.

Я сидел неподвижно, пытаюсь осмыслить услышанное. Военная служба казалась чем-то далёким, почти не имеющим

отношения к моей жизни. Ещё вчера я смотрел на солдат у пристани и думал, что никогда не захочу оказаться на их месте. А теперь двое незнакомых мужчин уверяли меня, что это единственный способ спасти семью от разорения.

— А сколько служить? — спросил я.

Петер отвёл глаза.

— Двадцать лет, кажется. Но это не так страшно, как звучит. Солдаты получают жалованье, кормёжку, одежду. Многие потом обзаводятся землёй или хорошим ремеслом.

Двадцать лет.

Я попытался представить такой срок. Мне было пятнадцать. Через двадцать лет исполнится тридцать пять — почти столько же, сколько сейчас отцу. К тому времени Грета давно выйдет замуж, Лотта и Эмма станут взрослыми, а Мина, которая ещё вчера просила меня рассказать сказку, возможно, сама будет растить детей.

И всё это время я буду где-то далеко.

— Я не могу, — сказал я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — У меня дома семья. Отец ранен, я должен помогать.

Ганс ударил ладонью по столу.

— Тогда веди меня к отцу. Пусть он платит.

Я вздрогнул. Петер немедленно положил руку ему на плечо.

— Не надо так. Парень и без того перепуган.

— А мне что делать? Ждать, пока он вырастет?

Они продолжали спорить, но до меня едва доносились слова. Перед глазами стояли мельница, отец с перевязанной ногой, мать над книгой расходов, сёстры, которым обещали новые платья к зиме. Я видел, как чужие люди входят в наш двор и требуют деньги, которых нет; как отец пытается спорить, а мать пересчитывает последние монеты. И как Грета смотрит на меня, не понимая, что я натворил.

Я не знал, могли ли они действительно забрать мельницу или заставить семью расплачиваться за мой долг. Но сама возможность казалась настолько страшной, что я не решался её проверять.

— А если я запишусь, — спросил я наконец, — вы точно оставите мою семью в покое?

Петер посмотрел на Ганса. Тот недовольно поджал губы, но кивнул.

— Получу аванс — и забуду про тебя. Остальное прощу.

Я закрыл глаза. Голова всё ещё болела, мысли путались, и мне хотелось лишь одного: чтобы кто-нибудь сказал, что всё это ошибка и можно просто вернуться домой. Но никто не говорил.

— Хорошо, — произнёс я после долгой паузы. — Только сначала объясните, что нужно делать.

Вербовочная контора находилась недалеко от городских казарм, в длинном каменном здании с узкими окнами и тяжёлой дверью, обитой железом. Над входом висела деревянная доска с гербом Конфедерации и надписью, которую я не

успел толком прочитать. Возле двери стояли двое солдат с короткими копьями. Они разговаривали между собой и почти не обратили на нас внимания, когда Петер провёл меня внутрь.

По дороге я несколько раз останавливался, потому что меня мутило и кружилась голова. Петер поддерживал меня под локоть, говорил, что осталось совсем немного, и советовал глубже дышать. Ганс шёл позади, время от времени недовольно покашливая. Я почти не смотрел по сторонам. Улицы Келльбрука, ещё вчера казавшиеся интересными и праздничными, теперь сливались в одно бесконечное нагромождение стен, вывесок и чужих лиц.

В конторе пахло чернилами, воском и старой бумагой. За длинным столом сидел писарь, перед ним лежали раскрытые книги и стопка чистых листов. У стены стояли несколько молодых мужчин, ожидавших своей очереди. Один был в простой крестьянской одежде, другой носил дорожную куртку и держал под мышкой свёрток с вещами. Третий, постарше, с короткой бородой, рассматривал висевший на стене список жалованья.

Я остановился возле двери. Мне вдруг захотелось развернуться и уйти, но Ганс положил руку мне на плечо и слегка подтолкнул вперёд.

— Вот он, — сказал Петер, обращаясь к человеку за столом. — Добровольец. Матиас Бреннер, пятнадцать лет. Грамотный, здоровый, работающий. Хочет заключить долгий

контракт.

Писарь глянул на меня поверх очков.

— Сам хочет? — спросил он.

Я открыл рот, но Петер ответил раньше:

— Сам. Мы ему всё объяснили.

Писарь перевёл взгляд на меня.

— Ты понимаешь, на какой срок записываешься?

— На двадцать лет, — ответил я, стараясь говорить отчётливо.

— Родители знают?

Я замялся. Отец, конечно, ничего не знал. Если бы я сейчас рассказал ему о случившемся, он, наверное, немедленно приехал бы в город, несмотря на больную ногу, и попытался разобраться. Но я боялся, что Ганс потребует деньги прежде, чем отец успеет что-либо сделать.

— Я сам решаю, — сказал я наконец.

Писарь нахмурился, но ничего не ответил. Он посмотрел на Петера, затем на Ганса, который стоял чуть в стороне. Между ними произошёл короткий обмен взглядами, смысла которого я не понял.

— Подожди здесь, — велел писарь и поднялся из-за стола.

Он вышел через боковую дверь. Петер последовал за ним, оставив нас с Гансом в общей комнате. Я опустился на скамью у стены и закрыл глаза, пытаясь справиться с головной болью. В соседнем помещении слышались приглушённые голоса. Один раз кто-то коротко рассмеялся, затем заскрипел

стул. Через несколько минут Петер вернулся вместе с писарем.

— Всё в порядке, — сказал он, подходя ко мне. — Сейчас оформят.

Писарь сел за стол и начал заполнять бумаги. Он спросил моё полное имя, место рождения, возраст, имена родителей и род занятий. Я отвечал, иногда запинаясь, потому что во рту пересохло, а мысли всё ещё путались. Он записывал быстро, почти не поднимая головы.

Потом появился другой человек — вербовщик в тёмно-зелёном мундире с потёртыми серебряными пуговицами. Он был невысоким, крепким, с гладко выбритым лицом и внимательными глазами. На поясе у него висел короткий меч, а на груди — небольшой знак с гербом Конфедерации.

Вербовщик осмотрел меня с ног до головы, велел снять куртку и поднять руки. Он проверил, могу ли я свободно двигать плечами, заставил несколько раз присесть, затем спросил, не было ли у меня серьёзных болезней или переломов. Я ответил отрицательно. Он заглянул мне в рот, ощупал запястья и коротко кивнул.

— Годен для вспомогательной службы, — сказал он писарю. — До шестнадцати лет без назначения в боевые части.

Меня хотя бы не собирались сразу отправлять на войну. О том, что через год это ограничение исчезнет, я старался не думать.

Вербовщик сел напротив меня и положил на стол несколь-

ко листов.

— Слушай внимательно, Бреннер. Контракт на двадцать лет. Жалование по установленной ставке, содержание и обмундирование за счёт войска. Первые шесть месяцев жалование не выдаётся, поскольку ты получаешь аванс при подписании. Самовольное оставление службы считается дезертирством и карается по военным законам. Понял?

Я кивнул.

— Скажи словами.

— Понял, господин.

Он задержал на мне взгляд.

— Ты трезв?

Вопрос застал меня врасплох. Я хотел ответить, что вчера действительно выпил слишком много, но сейчас уже утро и я вполне понимаю, что происходит. Однако стоило мне открыть рот, как Петер шагнул ближе.

— Он просто с дороги устал, господин вербовщик. Всю ночь не спал, переживал из-за семейных дел. Но решение принял сам.

Вербовщик покосился на него и снова обратился ко мне.

— Можешь читать?

— Да.

— Тогда читай.

Он подвинул ко мне контракт. Я наклонился над листами и принялся разбирать строки. Буквы то и дело расплывались перед глазами, но общий смысл был понятен: срок службы,

обязанности, жалование, порядок перевода между частями, наказания за нарушение дисциплины. Некоторые выражения были мне незнакомы, особенно те, что касались военных судов и прав командования, но я слишком плохо себя чувствовал, чтобы вникать в каждое слово.

Внизу стояла строка для подписи.

Я долго смотрел на неё. Перед глазами снова возникли отец, мать и сёстры. Потом — Ганс, требующий деньги, и бумага с моей вчерашней подписью. Я представил, как возвращаюсь домой и признаюсь, что проиграл чужим людям целое состояние. Как отец смотрит на меня, не находя слов, а мать пытается понять, откуда взять деньги.

Рука сама потянулась к перу.

— Подожди, — сказал вербовщик.

Я поднял голову.

Он смотрел на меня без улыбки.

— Ты понимаешь, что после подписи передумать уже не сможешь? Двадцать лет — не шутка.

Сердце тяжело стучало в груди.

— Понимаю.

Вербовщик ещё мгновение смотрел на меня, затем откинулся на спинку стула.

— Подписывай.

Я взял перо. Оно показалось непривычно тяжёлым, а пальцы плохо слушались. Первую букву я вывел криво, вторую пришлось поправлять, но в конце концов на бумаге по-

явилось моё имя:

Матиас Бреннер.

Писарь посыпал подпись песком, стряхнул лишнее и поставил печать. Вербовщик подписал документ со своей стороны, после чего велел принести деньги.

Передо мной положили кожаный мешочек. Я развязал шнурок и увидел серебряные монеты — больше, чем когда-либо держал в руках. На миг показалось, что всё ещё можно исправить: отдам деньги Гансу, он забудет о долге, а дома я как-нибудь объясню, почему записался в армию.

Но едва мы вышли из конторы, Ганс протянул руку.

— Давай.

Я крепче сжал мешочек.

— Сначала скажи, что долг закрыт.

Он нахмурился, но Петер тут же вмешался.

— Разумеется, закрыт. Мы же договорились. Ганс, отдай парню бумагу.

Ганс нехотя достал из-за пазухи вчерашнюю расписку и протянул мне. Я взял её, быстро просмотрел и увидел свою кривую подпись. Потом передал мешочек с деньгами. Ганс развязал его, пересчитал монеты и удовлетворённо кивнул.

— Всё, — сказал он. — Больше ты мне ничего не должен.

Я стоял перед ними, сжимая бумагу, и не знал, что сказать. Хотелось поблагодарить Петера за помощь, но одновременно внутри росло странное чувство, будто произошло что-то неправильное. Слишком быстро они договорились, слиш-

ком легко Ганс согласился простить остаток долга, слишком спокойно Петер смотрел на меня теперь, когда деньги оказались у его приятеля.

— А где Конни? — спросил я.

Петер пожал плечами.

— Не знаю, парень. Вчера убежал и больше не возвращался. Может, домой отправился.

Я опустил глаза. Мысль, что друг действительно мог оставить меня одного, была горькой, но сейчас разбираться было поздно.

— Мне надо забрать вещи с купеческого двора, — сказал я. — И предупредить отца.

— Конечно, — ответил Петер. — Только сначала зайдём обратно. Там скажут, когда тебе являться.

Мы вернулись в контору. Вербовщик уже разговаривал с другим новобранцем, а писарь складывал бумаги в большую папку. Увидев меня, он велел подождать у двери.

Через несколько минут появился солдат с длинным списком в руках. Он громко назвал несколько фамилий, в том числе мою, и приказал всем указанным выйти во двор. Я поднялся со скамьи, не понимая, что происходит.

— Куда нас? — спросил я.

— На сборный двор, — ответил солдат. — Обоз отправляется через два часа. Там получите дальнейшие распоряжения.

Я растерянно посмотрел на Петера.

— Но мне надо домой. Хотя бы вещи забрать.

Тот развёл руками.

— Теперь ты солдат, Матти. Делай, что говорят. Не волнуйся, с телегой и лошадьми ничего не случится. Альбрехт человек честный, он всё передаст твоему отцу.

Я хотел возразить, но солдат уже повторил приказ, и остальные новобранцы начали выходить. Я остался стоять на месте, чувствуя, как внутри поднимается паника.

— Подождите, — сказал я, обращаясь к солдату. — У меня в городе семейная телега, лошади, деньги у купца. Я должен хотя бы сообщить...

— Потом напишешь, — оборвал он. — Сейчас выходи.

Я посмотрел на дверь, за которой исчезли остальные, затем на Петера. Он уже отвернулся к Гансу, и оба разговаривали о чём-то своём, словно меня больше не существовало.

Только тогда я по-настоящему испугался.

На сборном дворе нас оказалось около двух десятков. Люди стояли небольшими группами, кто-то разговаривал, кто-то молча сидел на мешках и сундуках. У большинства были дорожные вещи, у некоторых — собственное оружие: старые мечи, охотничьи ножи, короткие копья. Один высокий мужчина держал за плечом длинный лук, тщательно завернутый в промасленную ткань. Рядом с ним стоял совсем молодой парень в грубой крестьянской одежде, с небольшим узлом за спиной.

Я же пришёл почти с пустыми руками. На мне остава-

лись вчерашняя рубаша, штаны и куртка, а в кармане лежала только бумага, которую Ганс вернул мне после расчёта. Собственный дорожный мешок, запасная одежда и деньги на обратную дорогу остались у Альбрехта. Там же стояли наши лошади и телега, и я понятия не имел, кто теперь за ними присмотрит.

Я несколько раз подходил к солдату, который составлял список, и пытался объяснить положение. Он слушал всё более раздражённо, а потом сказал, что после прибытия в часть мне выдадут необходимое имущество, а о семейных вещах следует сообщить командованию. Если они действительно находятся у известного купца, добавил он, тот наверняка не станет их присваивать.

Мне хотелось верить, что так и будет. Йост Альбрехт знал отца много лет и, конечно, не оставит лошадей без присмотра. Но я всё равно чувствовал себя так, словно забыл дома не только вещи, но и часть самого себя.

Когда нас начали рассаживать по повозкам, я оказался рядом с тем самым молодым парнем, которого заметил возле лучника. Он был невысоким, жилистым, с короткими тёмно-русыми волосами и настороженными серо-зелёными глазами. Одежда на нём была старая, аккуратно заштопанная, а небольшой узел он держал на коленях так крепко, будто боялся, что его отнимут.

— Ты тоже без вещей? — спросил он, заметив мои пустые руки.

— Остались в городе, — ответил я. — Не успел забрать. Он кивнул, словно это объяснение его вполне устроило.

— Я Янек, — сказал он после небольшой паузы. — Янек Боров.

— Матиас Бреннер. Можно Матти.

Мы пожали друг другу руки. Ладонь у него была сухая и жёсткая, с мозолями, которые бывают у людей, привыкших работать с землёй и инструментами.

— Откуда ты? — спросил Янек.

Я назвал Липовицы и объяснил, что приехал в Келльбрук продавать муку, а теперь вот отправляюсь служить. Янек слушал молча, но, когда я рассказал о трактире, игре и долге, его лицо постепенно становилось всё мрачнее.

— Тебя обманули, — сказал он наконец.

Я посмотрел на него.

— Почему ты так решил?

— Потому что слишком уж всё складно получилось. Напоили, дали выиграть, потом объявили долг и тут же нашли способ его заплатить.

Я хотел возразить, но не смог. Слова Янека совпадали с тем неприятным чувством, которое появилось у меня ещё возле вербовочной конторы.

— У меня подпись была, — сказал я после паузы. — На бумаге.

— Подпись можно и пьяного заставить поставить.

Я опустил глаза. Мне вдруг стало трудно дышать. Если

Янек прав, значит, никакого настоящего долга могло и не быть. Значит, я отдал деньги людям, которые специально напоили меня и заставили подписать военный контракт.

— А почему вербовщик ничего не заметил? — спросил я, скорее у самого себя, чем у него.

Янек пожал плечами.

— Может, не захотел замечать.

Я долго молчал. Перед глазами снова возникло лицо вербовщика, его внимательный взгляд и вопрос о том, трезвы ли я. Вспомнилось, как Петер уходил с писарем в соседнюю комнату и как после этого все вопросы словно сами собой решились. Тогда я не придавал этому значения. Теперь же каждое воспоминание казалось частью чего-то заранее устроенного.

— Можно отказаться? — спросил я наконец. — Если меня обманули?

Янек посмотрел на меня с удивлением.

— Ты уже подписал?

— Да.

— Тогда не знаю. Наверное, можно жаловаться. Только кому?

Я тоже не знал. У отца были знакомые в городе, Йост Альбрехт мог бы помочь, но все они остались далеко, за стенами сборного двора. Я не понимал, имею ли право уйти отсюда, и боялся, что попытка вернуться в город будет считаться побегом.

Пожилой мужчина напротив прислушался к нашему разговору. У него были седые усы, обветренное лицо, а на коленях лежал аккуратно сложенный солдатский плащ. Наконец он негромко сказал:

— Если контракт уже принят и тебя внесли в списки, самовольно уходить нельзя. Сначала разберись через начальство.

— А если начальство не станет слушать? — спросил я.

Мужчина посмотрел на меня усталыми глазами.

— Тогда ищи другое начальство. Только не вздумай бежать. За дезертирство наказывают серьёзно, а если решат, что скрываешься, могут начать расспрашивать и родню.

При упоминании семьи у меня снова сжалось сердце.

— И что, могут повесить? — тихо спросил Янек.

— Могут, — ответил мужчина. — Смотря за что и при каких обстоятельствах. Не всякого беглеца вешают, но лучше не проверять.

Я посмотрел на городские ворота, видневшиеся за краем двора. Ещё утром я мог свободно ходить по улицам Келльбрука, выбирать ленту для Анны и думать о возвращении домой. Теперь же даже дорога до купеческого двора казалась недоступной.

К нашей повозке подошёл солдат с длинным списком и начал перекличку. Услышав «Бреннер, Матиас», я назвал себя; перо царапнуло бумагу. Затем отозвались Янек, пожилой мужчина и остальные. Солдат пересчитал нас, проверил

крепления и велел вознице готовиться к отправлению.

Лошади тронулись не сразу. Сначала пришлось пропустить другую повозку, затем кто-то из новобранцев вспомнил, что оставил мешок возле стены, и начал громко требовать остановить обоз. Солдат выругался, разрешил ему сбежать за вещами и пригрозил, что больше никого ждать не станет. Я смотрел на эту суету с болезненной завистью. У того человека был хотя бы мешок, ради которого можно было попросить задержку. У меня же оставались целая телега и две лошади, но никто не собирался выпускать меня за ними.

Наконец обоз двинулся.

Мы выехали со сборного двора, миновали несколько узких улиц и направились к северным воротам. Келльбрук постепенно оставался позади. Я видел знакомую башню ратуши, крыши складов возле пристани, длинные мачты барж над рекой. Где-то там находился купеческий двор Альбрехта, где стояла наша телега, а в запираемом помещении лежали мои вещи и дорожный мешок, собранный матерью.

Я попытался представить, что скажет отец, когда узнает о случившемся. Наверное, сначала рассердится, потом поедет в город разбираться. Но даже если он найдёт мошенников и заставит их вернуть деньги, что будет с контрактом? Вербовщик ведь видел мою подпись. Я сам произнёс, что понимаю срок службы, и никто не держал меня за руку, когда я писал своё имя.

От этой мысли становилось ещё хуже. Меня обманули, но

последнюю черту я всё равно переступил сам.

За городом дорога пошла между невысокими холмами. Повозка покачивалась на неровностях, колёса глухо стучали по камням, а новобранцы постепенно затихали, устав от разговоров. Янек сидел рядом, придерживая свой узел, и время от времени поглядывал на меня, словно хотел что-то сказать, но не находил подходящих слов.

Вскоре мы проехали мимо старой виселицы, стоявшей на небольшом возвышении у дороги. На перекладине висели два потемневших тела. Ветер слегка раскачивал их, а возле столбов сидели вороны, которые лениво поднялись в воздух при приближении обоза.

Я отвернулся. Прежде мне доводилось видеть казнь только издалека, когда отец возил меня в город на ярмарку. Тогда мать заранее велела не задерживаться возле площади, и я почти ничего не разглядел. Теперь виселица стояла рядом: были видны верёвки, тёмная одежда и неподвижные ноги казнённых.

— За что их? — спросил кто-то из новобранцев.

Пожилой мужчина пожал плечами.

— Кто знает. Воровство, разбой, убийство. Может, и дезертиры. На дороге всяких вешают.

Я смотрел на свои руки, лежавшие на коленях. Они всё ещё были испачканы чернилами после подписи, а на пальцах виднелись старые мозоли от работы на мельнице. Я вдруг подумал, что эти руки ещё вчера перебирали мешки с мукой,

проверяли вес и держали вожжи наших лошадей. Теперь же они принадлежали солдату, который даже не знал, куда его везут.

Мне хотелось плакать, но я стыдился делать это при чужих людях. Я сжал кулаки, опустил голову и долго смотрел на доски повозки, пока виселица не осталась далеко позади.

К вечеру мы остановились возле придорожного постоялого двора, где обоз должен был переночевать. Солдаты приказали нам помочь разгрузить часть припасов, затем выдали каждому по куску хлеба и миске горячей похлёбки. Я ел медленно, почти не чувствуя вкуса. Голова всё ещё болела, хотя уже не так сильно, как утром, а тело ныло от долгой тряски.

Янек устроился рядом со мной на низкой скамье под навесом. Он съел свою порцию быстро, затем аккуратно завернул оставшийся хлеб в кусок ткани и спрятал в узел.

— Ты домой напишешь? — спросил он после некоторого молчания.

— Напишу, — ответил я.

— Как только разрешат.

— Правильно. Пусть знают, где ты.

Я посмотрел на него.

— А ты почему записался?

Янек провёл ложкой по дну пустой миски. Потом сказал, что дома у него остались мать и младшая сестра, а работы почти не было. После последних войн многие хозяйства разорились, поля стояли заброшенными, и даже те, кто хотел на-

няться, редко находили постоянное место. Военная служба обещала ему еду, одежду и жалованье, часть которого можно было отправлять семье.

— Двадцать лет — долго, — заметил я.

— Долго, — согласился Янек. — Но если останусь дома, может, через год уже нечего будет есть.

Он говорил без жалоб, будто речь шла о погоде или цене зерна. А я вспомнил наш дом: тёплую постель, полную кладовую, семью и любимую работу. Мне никогда не приходилось выбирать между голодом и солдатской службой. Янеку пришлось.

— Ты хоть знаешь, куда нас отправят? — спросил я.

— Говорят, в седьмой вспомогательный легион, — ответил он. — Но это я от солдат слышал. Может, и неправда.

Название мне ничего не говорило, и расспрашивать я не стал.

Мы замолчали. Над двором темнело небо, возле конюшни фыркали лошади, а из кухни доносился запах варёной капусты и жареного лука. Вокруг нас разговаривали другие новобранцы, кто-то смеялся, кто-то ругался из-за потерянной вещи, но я почти не прислушивался.

Мне хотелось оказаться дома. Не завтра и не через неделю, а прямо сейчас: войти во двор, услышать шум мельничного колеса, увидеть отца возле телеги и мать на кухне. Хотелось, чтобы Грета снова поддразнила меня за какую-нибудь глупость, чтобы Лотта и Эмма поссорились из-за ложки, а

Мина потребовала сказку перед сном. Даже обычная утренняя работа, которую я иногда ненавидел за ранний подъём и тяжёлые мешки, теперь казалась чем-то необыкновенно дорогим.

Я вспомнил Анну. Она ждала синюю ленту к празднику, а я даже не успел её купить. Наверное, через несколько дней она начнёт спрашивать, почему я не вернулся из города. Потом узнает, что меня забрали в армию, и решит, будто я сам захотел уехать. Мне стало больно от этой мысли, но я не знал, как объяснить ей всё случившееся. Даже самому себе я пока не мог объяснить, почему позволил довести дело до подписи.

— Матти, — негромко позвал Янек.

Я поднял голову.

— Что?

— Ты всё время молчишь. Если хочешь, можешь рассказать ещё раз, как всё было. Может, что-нибудь вспомнишь.

Мы познакомились всего несколько часов назад, а он уже говорил со мной спокойнее и добрее, чем кто-либо за этот страшный день. Я был ему за это благодарен.

Я рассказал ему всё, что помнил. Про удачную торговлю, про Конни, про трактир и двух незнакомцев, которые угощали нас пивом. Про кости, про бумагу с долгом, про вербовщика, который спрашивал, трезв ли я. Янек слушал внимательно, почти не перебивая, а когда я закончил, долго сидел молча.

— Похоже, они заранее знали, что делают, — сказал он

наконец. — Но доказать будет трудно.

— Думаешь, отец сможет что-нибудь сделать?

— Не знаю. Может, если найдёт тех людей. Или если у него есть знакомые в городе.

У отца действительно были знакомые, и Йост Альбрехт наверняка поможет ему разобраться. Но я всё меньше верил, что это изменит моё положение. Контракт лежал где-то в вербовочной конторе, моё имя уже внесли в списки, а завтра обоз повезёт нас дальше.

— Я не хочу, чтобы из-за меня у семьи были неприятности, — сказал я после долгой паузы.

Янек посмотрел на меня.

— Тогда напиши им. Пусть знают, что ты жив и где служишь. А там видно будет.

Он говорил просто, без попыток утешить или убедить, что всё обязательно закончится хорошо. Мне это понравилось. Я не нуждался в обещаниях, которым сам не мог поверить.

Позднее нас уложили спать в большом сарае, где на полу была расстелена солома. Я выбрал место у стены, положил под голову свёрнутую куртку и долго лежал с открытыми глазами. В темноте слышалось тяжёлое дыхание людей, шорох соломы и редкие шаги солдата, обходившего двор. Где-то за стеной скрипела дверь конюшни, а снаружи шумел ветер.

Я пытался представить следующие двадцать лет, но не мог. Слишком огромным казался этот срок. Я не знал, кем стану через год, не говоря уже о двадцати. Не знал, научусь

ли держать оружие, придётся ли мне воевать и смогу ли когда-нибудь вернуться домой. Всё, что ещё вчера представлялось ясным и понятным, теперь исчезло, оставив после себя только страх и тяжёлое чувство вины.

И всё же одна мысль постепенно становилась твёрже остальных. Я не мог сейчас вернуться домой, не мог отменить подпись и не мог заставить мошенников вернуть деньги. Но мог хотя бы постараться не навлечь на семью новых бед. Если военные законы действительно так суровы, как говорил пожилой новобранец, то побег лишь ухудшит положение. Отец, возможно, сумеет что-то выяснить, но до тех пор мне придётся делать то, что требуют.

Я повернулся на бок и закрыл глаза.

Завтра нас повезут дальше. Я не знал, куда именно, и от этого было страшно. Но лежать здесь и ждать, пока кто-нибудь решит мою судьбу за меня, казалось ещё хуже.

Мне оставалось учиться жить с тем, что произошло.

А утром, когда снова запрягут лошадей и солдат начнёт перекличку, я поднимусь вместе с остальными и назову своё имя.

Матиас Бреннер.

Теперь — новобранец Конфедерации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.